

ПРАВИЛА ЭПИКТЕТА

Переводъ съ французскаго

М. А. Энгельгардта

Правила Эпиктета *).

I.

Различіе между тѣмъ, что зависитъ, и тѣмъ, что не зависитъ отъ насъ **).

I. Изъ вещей одніѣ зависятъ отъ насъ, другія не зависятъ. Зависятъ отъ насъ: мнѣніе, желаніе, похоть, отвращеніе — словомъ, все, что нами создается. Не зависятъ отъ насъ: тѣло, имущество, репутація, почести — словомъ, все, что не нами создается ***).

II. Вещи, которыя зависятъ отъ насъ, по своей природѣ свободны; ничто не можетъ имъ помѣшать, ничто не можетъ ихъ затормозить; тѣ же, которыя не зависятъ отъ насъ — вещи бессильныя, рабы, которыя можно помѣшать, чужды намъ ****).

III. Помни же, если ты вздуваешь считать свободными вещи, по самой природѣ своей рабы, и твоими собственными — чуждыя тебѣ, — ты будешь угнетенъ, удрученъ, смущенъ, ты станешь обвинять боговъ и людей *****). Но если ты считаешь своимъ только то, что и есть

*) Переведены съ греческаго и снабжены примѣчаніями М. Гюйо.
Ред.

***) Заглавія вставлены въ текстъ нами. (Гюйо).

****) Это различіе между тѣмъ, что зависитъ отъ человека и тѣмъ, что зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ — основная идея моральной системы стоиковъ, о которой Цицеронъ сказалъ: *Respondent prima extremis, media utrisque, omnibus omnia.*

*****) Такимъ образомъ, идея свободы, отодвинутая на второй планъ древними греческими философами, здѣсь снова занимаетъ первое мѣсто. Платоники и перипатетики искали прежде всего безличнаго блага, τὸ ἀγαθόν; стоики ищутъ своей личной свободы, τὴν ἀλευθέρια, и находятъ въ ней единственное истинное благо.

*****) Изъ общихъ принциповъ стоицизма вытекаютъ, какъ видимъ, практическія послѣдствія. Известно, какое значеніе стоики, какъ и

твое, и чуждымъ то, что въ дѣйствительности тебѣ чуждо—никто никогда не принудитъ тебя сдѣлать что либо, никто не помѣшаетъ тебѣ сдѣлать что либо; ни на кого ты не станешь жаловаться, никого ты не станешь обвинять; ты не совершишь ни одного поступка недобровольно; никто тебѣ не повредитъ, и никакихъ враговъ у тебя не будетъ, такъ какъ ты даже не будешь въ состояніи страдать отъ какого либо вреда *).

IV. Итакъ, если ты стремишься къ такимъ великимъ вещамъ, помни, что добиваться ихъ нужно не съ умѣреннымъ рвеніемъ: съ одними изъ чуждыхъ вещей ты долженъ распрощаться навсегда, о другихъ не думать теперь.**). Ибо, если ты хочешь имѣть въ одно время истинное благо и почести или богатство***), то, можетъ быть, не добьешься даже этихъ послѣднихъ изъ за стремленія къ первому, и ужъ во всякомъ случаѣ не добьешься тѣхъ благъ, которыя одни составляютъ свободу и счастье.

V. Итакъ, при всякомъ тягостномъ представленіи приучись гово-

эпикурейцы, придавали отсутствію безлокойства, невозмутимости, *ἀταραξία*. Въ эту эпоху рабости и униженія каждый чувствовалъ желаніе замкнуться въ невозмутимомъ спокойствіи, такъ сказать, уйти въ самого себя. Это обращеніе къ себѣ самому было полезно для философіи, направлявъ ее отъ вѣшнихъ вещей—къ внутренней личности; отъ объектовъ мыслимыхъ—къ мыслящему субъекту; отъ объектовъ желаемыхъ—къ самой волѣ, словомъ, отъ интеллектуальной точки зрѣнія къ моральной.

*) По мнѣнію стоиковъ, дурное и вредное, хорошее и полезное не въ томъ, что терпишь, а въ томъ, что думаешь и желаешь: стало быть зло не можетъ явиться къ намъ извнѣ, и вотъ почему мудрый не имѣетъ враговъ. Единственный врагъ стоика — онъ самъ съ своими страстями, опасеніями, желаніями; потому онъ долженъ всегда остерегаться ловушекъ съ своей собственной стороны (ср. XLVII). Открыть эти ловушки ему помогаетъ разумъ; избѣжать ихъ—воля. Вокругъ себя стоикъ видитъ только друзей; вселенная полна друзьями: *παντα φίλων πάντα*. Отсюда милосердіе стоиковъ, вытекающее не изъ принципа любви и обращенія къ вѣшнему міру, а изъ принципа достоинства и сосредоточенія въ себѣ самомъ.

**.) Надо распрощаться съ вещами, совершенно несомѣстимыми съ достоинствомъ и свободой, каковы, напр., ложь, лесть, незость и проч.; надо отложить попеченіе о вещахъ, которыя случайно могутъ совмѣститься съ свободой, напр., богатство, извѣстность, etc.

***.) Родъ моральнаго электизма, къ которому стремились эпикурейцы.

рять: ты только образъ и видимость, а вовсе не предметъ, которымъ ты кажешься.—Затѣмъ изслѣдуй его и суди его согласно правиламъ, которыхъ ты держишься; изъ нихъ же первое и главное—разсмотрѣть, идетъ ли дѣло о вещахъ, которыя зависятъ отъ насъ, или о такихъ, которыя отъ насъ не зависятъ. Если дѣло идетъ объ этихъ послѣднихъ, будь готовъ сказать: это же меня не касается *).

II.

Вещей, которыя не зависятъ отъ насъ, не слѣдуетъ ни желать, ни бояться.

I. Помни, что въ желаніи заключается надежда овладѣть желаемой вещью; въ отвращеніи — надежда избѣгать вещи, возбуждающей отвращеніе; и тотъ, кто обманулся въ своемъ желаніи, несчастенъ; тотъ, кто достигъ вещь, отъ которой бѣжалъ,—жалокъ. Избѣгай же лишь тѣхъ вещей, которыя, завися отъ тебя, противны природѣ, и ты не будешь достигнуть тѣмъ, отъ чего бѣжишь **). Но если ты

*) «Это же меня не касается», потому что въ нашей свободной волѣ и ея дѣлѣ (та прохиретѣ) нѣтъ ничего хорошаго или дурнаго, все безразлично. По мнѣнію стоиковъ, только наша свобода сообщаетъ вещамъ ихъ цѣну; мы сами, и только мы, *квалифицируемъ* вещи, дѣлаемъ одиѣ ихъ нихъ хорошими, другія дурными, посредствомъ хорошаго или дурнаго употребленія.—Принципъ совершенно органичный и чреватый послѣдствіями (см. введеніе и объясненія). — Но всего чаще наше воображеніе беретъ квалифцировать вещи и дѣлаетъ это на основаніи чувственнаго страданія или удовольствія. Оттого и выходитъ, что смерть, нагнаніе и проч. кажутся намъ бѣдствіемъ; въ этомъ виновно наше воображеніе. Разумъ, исправляя его ошибку, долженъ разсвѣтъ видности, скрывающія отъ насъ предметы, ложныя мнѣнія, заставляющія насъ бояться или желать, онъ долженъ обратиться къ самимъ предметамъ и опредѣлять ихъ значеніе сообразно содѣйствію или протыводѣйствію, которое онѣ оказываютъ нашей свободѣ (см. V, VI, X).

**) По мнѣнію стоиковъ, верховное правило морали—слѣдовать природѣ: *Sequi naturam*. Хорошо и должно быть предметомъ желанія то, что согласно съ природой; дурно и должно быть избѣгаемо то, что противорѣчитъ ей.—Но остается еще узнать, что согласно съ природой и что противорѣчитъ ей. По мѣрѣ того, какъ стоицизмъ развивается, онъ усматриваетъ сущность человѣческой природы и верховное пра-

желалъ избѣжать болѣзни, или смерти, или бѣдности, ты будешь жалокъ.

II. Итакъ, не распространяя твоего отвращенія на вещи, которыя не зависятъ отъ насъ, а обрати его только на вещи, которыя, завися отъ насъ, противорѣчатъ природѣ. Что до желанія, то подави его совершенно въ данный моментъ *). Ибо, если ты желаешь какой либо изъ вещей, которыя не зависятъ отъ насъ, ты будешь несчастенъ: съ другой же стороны, изъ тѣхъ вещей, которыя зависятъ отъ насъ и которыя слѣдуетъ желать, ни одна еще не доступна тебѣ **). Итакъ, старайся только приближаться къ !вещамъ или удаляться отъ нихъ движеніемъ добровольнымъ, но не особенно энергичнымъ, съ оговорками и умѣряя свой порывъ ***).

видо поведенія въ моральной свободѣ: то, что благопріятствуетъ этой свободѣ—хорошо; что мѣшаетъ ей—дурно. Этимъ самымъ стоицизмъ, искавшій сначала нравственный законъ въ природѣ внѣшнихъ объектовъ, переходитъ отъ внѣшняго къ внутреннему и ищетъ обоснованія моральнаго закона въ самой волѣ человека (*ἀλευθάρια ἀυτόνομος*). Замѣтимъ сходство этой доктрины съ ученіемъ Канта о «свободной волѣ».

*) Стоицескій мудрецъ, всемогущій въ своемъ внутреннемъ мірѣ, измѣняетъ или подавляетъ по своей волѣ свои желанія и опасенія: онъ «обрабатываетъ свою душу, какъ плотникъ дерево, кожевникъ кожу».—См. *Объясненія*.

***) «Ни одна еще не доступна тебѣ», т. е., ты достигъ еще только первой ступени посвященія и неспособенъ отличать и преслѣдовать то, что дѣйствительно желанно.

***) *Ὁ οὐρορκαμί* или, точнѣе, *σὺ ἐκκλῶσις*, *σὺ ἐκκλῶσις*, *μαδ' ἐκκλῶσις*. У стоиковъ была цѣлая теорія на этотъ счетъ (см. Сенека, *De mor. access.*, 30; *De benefic.* IV, 34; *De tranquill.* 13). По ихъ мнѣнію, мудрый можетъ желать чего нибудь только подъ условіемъ быть всегда готовымъ устранить, *ἐκκλῶσις* изъ своихъ желаній (*ἐκκλῶσις*) все то, что можетъ несоотвѣтствовать имъ въ явленіяхъ, мы должны нѣкоторымъ образомъ формировать наши желанія сообразно природѣ вещей; внѣшнія вещи измѣнчивы, случайны, преходящи, и наши желанія должны быть готовы измѣняться, приходить, исчезать, какъ онѣ. Не говори же: я пойду туда-то, но: я пойду туда то, если ничто не помѣшаетъ мнѣ. Предусматривая, такимъ образомъ, препятствія и разочарованія, этимъ самымъ избѣгаешь ихъ; такъ какъ препятствіе, предвидимое и желаемое мною, уже не препятствіе для меня; разочарованіе ожидаемое—не разочарованіе.—Въ одномъ только случаѣ *ἐκκλῶσις* не имѣетъ мѣста: когда дѣло идетъ о вещахъ, которыя зависятъ отъ насъ; въ такомъ случаѣ намъ позволительно желать абсолютно и безусловно, такъ какъ здѣсь желать—значитъ мочь.

III.

Надо исследовать природу нашего предмета, которымъ пользуемся.

По поводу каждаго предмета, который привлекаетъ душу, или приноситъ пользу, или заставляетъ дорожить собою—не забудь спросить себя, какова природа этого предмета. Начиная съ неважныхъ вещей и, если любишь глиняную вазу, говори:—То, что я люблю, только глиняная ваза;—въ такомъ случаѣ, ты не смутнишься, если она разобьется *). Когда цѣлуешь своего ребенка или свою жену, говори:—То, что я цѣлую, только человѣческое существо; въ такомъ случаѣ ты не смутнишься, если они умрутъ **).

*) Намекъ на тѣло, этотъ «бренный сосудъ», въ которомъ заключена душа (см. *Разговоры Эпиктета и Мысли Марка Аврелія*). «Первое средство, говоритъ Эпиктетъ въ *Разговорахъ*, лучшее средство, главное средство, которое является, такъ сказать, ключомъ ко всему—это привязываться къ кому бы то ни было только какъ къ вещи, которая можетъ быть похищена у насъ, къ вещи, природа которой тождественна съ природой глинянаго сосуда или стеклянной чашы. Сосудъ разобьется,—и вспомнивь, чѣмъ онъ былъ, мы не становимъ огорчаться. Точно также, когда ты обнимаешь своего ребенка, друга, брата, не отдавайся всецѣло своему побужденію, не давай хода твоей радости, но сдерживай ее и умѣрай ее, какъ тѣ, кто, идя за триумфаторомъ, напоминаютъ ему, что онъ человѣкъ.

**) Безъ сомнѣнія исполнѣ «естественно», что хрупкій сосудъ разбивается и смертный человѣкъ умираетъ. Но еще вопросъ, можетъ ли естественное удовлетворить мой разумъ, мою моральную волю, какъ утверждаютъ стоики. Въ самомъ дѣлѣ, если я люблю кого нибудь истинной любовью, то люблю не смертную вещь, но отдѣляя душу отъ бренной оболочки, отъ которой не хочется отдѣлать ее Эпиктетъ; привязываюсь къ ней, не поддаваясь уничтоженію. Такимъ образомъ, я исправляю, преобразовываю самую природу, превозмогаю своей волей необходимость ея законовъ и, можетъ быть, въ этомъ то и заключается суть любви къ другому. Когда, затѣмъ, законы природы, взявъ свое, показываютъ мнѣ, что не только свободная душа заключалась въ любимою существомъ, но и тѣло, подвластное необходимости, мудроно ли, что «я смущаюсь»? Я испытываю въ этомъ случаѣ не только огорченіе, но и негодование, сознание своего рода несправедливости со стороны природы. Стоики усматривали во всякомъ страданіи только пассивное измѣненіе чувствительности; но моральное страданіе—это

IV.

Надо изслѣдовать природу нашего дѣйствія, которое предпринимаешь.

Когда ты собираешься предпринять какое нибудь дѣйствіе, представь въ памяти своей, какова природа этого дѣйствія. Если, напримеръ, ты идешь взять ванну, представь себѣ, что происходитъ въ баняхъ: людей, которые брызгаютъ въ другихъ водой, толкаютъ ихъ, оскорбляютъ, обкрадываютъ, и ты съ большей увѣренностью предпримешь свое дѣло, если скажешь себѣ напередъ: я хочу взять ванну, но я хочу также сохранить мою свободную волю сообразной природѣ *). То же и при каждомъ дѣйствіи **). Ибо такимъ образомъ, если съ тобой приключится какая нибудь неприятность во время купанья, ты будешь готовъ сказать: я хотѣлъ не только взять ванну, но и сохранить мою свободную волю сообразной природѣ; а я не сохраняю ее, если стану раздражаться на то, что происходитъ.

воля, которая борется съ природой и, по ихъ же выраженію, работаетъ, «трудится» надъ ея исправленіемъ; въ этомъ смыслѣ страданіе хорошо, его роль въ адъшнемъ мірѣ — постоянно противопоставлять нашъ моральный идеалъ нашей физической природѣ и, путемъ этого контраста, побуждать нашу природу къ совершенствованію.

*) Извѣстно, какое важное значеніе имѣла ванна у древнихъ; оттого моралисты постоянно обращаются къ этому предмету, какъ къ одному изъ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ актовъ: ванну брали, какъ говоритъ Марціалъ, находя: «*nam thermis iterum cunctis iterumque lavatur*». Ванну брали утромъ, вечеромъ, передъ главной ѣдой, передъ какимъ нибудь важнымъ рѣшеніемъ, иногда передъ рѣшеніемъ вопроса о жизни и смерти. Ванна, говорили древніе, урѣпляетъ члены и просвѣтляетъ умъ. Большинство источниковъ была посвящены Геркулесу, богу силы. Въ баняхъ сталкивались различные классы общества: богатые и бѣдные, патриція и плебей. Сами императоры не брезгали иногда посѣщать публичныя бани.

**) То есть, всѣ наши частныя дѣйствія надо подчинять общему рѣшенію, которое должно управлять нашей жизнью: рѣшенію быть свободнымъ.—Та же теорія у Канта.

V.

Насъ могутъ смущать только наши мнѣнія.

Людей смущаютъ не вещи, а мнѣнія, составленныя людьми о вещахъ *). Напримѣръ, смерть не представляетъ ничего ужаснаго: въ противномъ случаѣ и Сократъ нашелъ бы ее ужасной; но мнѣніе о смерти, какъ о чемъ то ужасномъ—вотъ что собственно ужасно **). Итакъ, когда мы угнетены или огорчены, не будемъ обвинять другихъ, а только самихъ себя, т. е. наши мнѣнія. Невѣжда обвиняетъ другихъ въ своихъ бѣдствіяхъ; тотъ, кто начинаетъ учиться—самого себя ***); тотъ, кто научился—ни себя, ни другихъ ****).

VI.

**Единственное, чѣмъ мы можемъ гордиться, это хорошее при-
нѣненіе нашихъ мнѣній.**

Не гордись чужимъ преимуществомъ *****). Если бы возгордившаяся лошадь сказала: «Я прекрасна», это бы еще куда ни шло, но когда ты

*) См. *Введеніе и Объясненія*.

***) См. послѣднія строки Апологія, которую Платонъ влагаетъ въ уста Сократу: «О, моя судьба, падѣйтесь на смерть и помните, что для добраго нѣтъ ничего дурнаго: и въ жизни, и послѣ смерти, и что боги никогда не ставятъ его; ибо то, что выпадаетъ мнѣ на долю сегодня, не есть дѣло случая; но для меня очевидно, что умереть и освободиться отъ атейскихъ заботъ есть высшее счастье, на которое я могу рассчитывать; и я не сержусь за него ни на судей, приговорившихъ меня, ни на моихъ обвинителей. А между тѣмъ, не таково было ихъ намѣреніе, побудившее обвинить и осудить меня; напротивъ, они думали причинить мнѣ зло, и за это я могъ бы попенять на нихъ... Но время разстаться:—мнѣ, чтобы умереть, вамъ, чтобы жить. Чей жребій лучше? Никто не знаетъ этого, кромѣ Бога».

***) Сенека (*Epist.* 68): *Nihil dampnavi, nisi me.*

****) Онъ не обвиняетъ никого, потому что понимаетъ все и терпитъ все.

*****) «Можно хвалиться только тѣмъ, что твое—говоритъ Сенека (*Epist.* XL1). Виноградъ хвалятъ, когда тычины ломаются подъ тяжестью

говоришь съ гордостью: «У меня прекрасная лошадь», — знай, что ты хвастаешься лошадиными достоинствами *). Что же собственно твое? Употребленіе, которое ты дѣлаешь изъ своихъ представленій **). Итакъ, если ты станешь пользоваться этими представленіями сообразно природѣ, тогда только будь гордъ; ибо ты будешь гордъ благомъ, которое тебѣ принадлежитъ.

VII.

Все, что не мы, должно имѣть для насъ только второстепенное значеніе.

Если, во время путешествія по морю, твой корабль пристанетъ къ берегу и ты выйдешь запасться водою, ты можешь, мимоходомъ, на

гроздій. Предпочтутъ ли ему виноградъ съ золотыми гроздьями или золотыми листьями? Нѣтъ, достоинство винограда въ его плодородіи; такъ и у человѣка нужно хвалить то, что принадлежитъ человѣку. Онъ имѣетъ хорошихъ рабовъ, великолѣпный дворецъ, обильную жатву, большіе доходы; все это не онъ, а его обстановка. Удивляйтесь въ немъ тому, чего нельзя ни дать ему, ни отнять у него; тому, что есть собственность человѣка; тс-есть его душѣ, а въ душѣ—мудрости».

*) Тонкое и вѣрное замѣчаніе. Извѣстно, что Калигула велѣлъ построить мраморную конюшню для своего коня и собрался даже назначить его консуломъ. Не заходя такъ далеко, многие и въ наше время хвастаются достоинствами лошади.—По поводу изрѣченій этого рода Паскаль говоритъ: «Манера Эпиктета... наилучшая для усвоенія, такъ какъ состоитъ въ подборѣ мыслей, порожденныхъ повседневными разговорами».

**) „Употребленіе твоихъ способностей, χρῆσις φυχικῶν“. Надо различать, по мнѣнію стоиковъ, чувственные представленія и моральное употребленіе, которое мы изъ нихъ дѣлаемъ. Представленія, напр., о прекрасной лошади—являются къ намъ извнѣ и неизбежно; но прижненіе этихъ представленій, напр., когда мы гордимся красотой лошади—произвольно и свободно. «Пользоваться своими представленіями и, еще короче, пользоваться собою» — выразительные термины, часто употребляемые стоиками для обозначенія внутренней свободы духа, располагающаго и распоряжающагося всѣми внѣшними вещами въ видахъ собственнаго блага. — „Vivit is qui se utitur,—говоритъ Сенека. Qui vero latitant et torpent, hi in domo sunt tanquam in conditivo. Horum licet in limine ipso nomen marmoris inscribas; mortem suam antecesserunt».

пути, подобрать раковину или сорвать растеніе; но ты долженъ помнить о кораблѣ и безпрестанно оглядываться, не зоветъ ли тебя кормчій; если же онъ зоветъ тебя, бросай все, чтобы онъ не велѣлъ заковать тебя и бросить въ трюмъ корабля, какъ скотину *). Такъ и въ жизни: разъ тебѣ даны, вмѣсто раковины и растенія, жена и ребенокъ, ничто не мѣшаетъ тебѣ принять ихъ; но если кормчій зоветъ тебя, бѣги на корабль, бросивъ всѣ эти вещи, даже не оборачиваясь **). А если ты старъ, никогда не удайся отъ корабля, чтобы на призывъ кормчаго не оказаться отсутствующимъ ***).

*) По мнѣнію одного изъ комментаторовъ *Правиль* (см. Симплиціи, in *Enchirid.*), море съ его вѣчными перемѣнами и волненіями представляетъ міръ. Корабль, приносящій и уносящій души—судьба или случай. Кормчій—Богъ. Берегъ, у котораго останавливается корабль—мѣсто нашего обитанія, наша родина, наша семья. Сойти на берегъ за водой—символь занятій, необходимыхъ для жизни. Растенія и раковина представляютъ вещи второстепенныя, не необходимыя для насъ, которыя даются и отнимаются „великимъ Все“, и которыя мы должны брать или отдавать, не спуская глазъ со Всего, управляемаго внутреннимъ Провидѣніемъ.

**) Можно бросить «всѣ эти вещи» съ покорностью, если это дѣйствительно вещи; но нельзя такъ легко разставаться съ людьми, да и не должно.

**) Эту характеристику жизни, согласно стоическимъ воззрѣніямъ, можно сравнить съ характеристикой жизни по христіанскимъ воззрѣніямъ, которуя набрасываетъ Боссюэтъ въ одной изъ своихъ краснорѣчивѣйшихъ тирадъ: «Жизнь человѣческая подобна дорогѣ, ведущей въ ужасную пропасть... Я хотѣлъ бы вернуться назадъ: Иди! Иди! Необходимая тяжесть, неодолимая сила увлекаетъ васъ, надо безостановочно приближаться къ пропасти. Тысячи препятствій, тысячи тяготъ утомляютъ и удручаютъ насъ по пути. И если бы еще можно было избѣжать этой ужасной пропасти! Нѣтъ, нѣтъ; надо идти, надо бѣжать, такова скоротечность годовъ. Мы утѣшаемся однако, встрѣчая время отъ времени предметы, которые развлекаютъ насъ: струящаяся вода, быстро увядающіе цвѣты. Хотѣлось бы остановиться: Иди! иди! А между тѣмъ видимъ, какъ падаетъ все, мимо чего прошель; страшное разрушеніе! неизбежная гибель! Утѣшаешься, потому что удалось сорвать мимоходомъ нѣсколько цвѣтковъ, которые вануть въ рукахъ отъ утра къ вечеру, нѣсколько плодовъ, которые тернешь, едва отбѣдавъ; наводненіе! иллюзія! Вѣчно увлекаемый впередъ, ты приближаешься къ ужасной пропасти; уже все начинаетъ тускнѣть: сады не такъ цвѣтушіе, цвѣты не такъ пышные, ихъ краски не такъ ярки, луга не такъ веселы, воды не такъ свѣтлы, все мутнѣетъ. Тѣнь смерти является; начинаешь чувствовать близость роковой бездны. Но приходится всту-

VIII.

Умѣть уступать необходимости, значить—быть свободнымъ.

Не требуй, чтобы то, что происходитъ, происходило такъ, какъ ты желаешь; но желай, чтобы все происходило такъ, какъ оно происходитъ—и твоя жизнь пойдетъ счастливо *).

IX.

Человѣкъ не можетъ встрѣтить другого препятствія, крокъ себя самого.

Бользнь—препятствіе для тѣла, но отнюдь не для свободной воли, если только послѣдняя сама того не хочетъ. Хромота—препятствіе для ноги, но отнюдь не для свободной воли. Обо всемъ, что происходитъ, говори то же самое. Ты убѣдишься, что все можетъ быть препятствіемъ для какой нибудь другой вещи; для тебя же—нѣтъ.

X.

Каждой идѣи или образу, которые являются намъ извнѣ, соотвѣтствуетъ въ насъ какая нибудь способность, дающая возможность располагать ими.

Какой бы предметъ ни явился тебѣ, не забудь, обратившись къ себѣ самому, поискать, какую способностью обладаешь ты относительно употребленія этого предмета. Увидѣвъ красиваго мужчину или краси-

пять на самый край. Еще шагъ, ужасъ смущаетъ чувство, голова кружится, глаза блуждаютъ. Надо идти, хочешь отступить всячь, невозможно, все погибло, все улетучилось, все исчезло.

*) Сенека, *de provid.*, 5: *Quid est boni viri? praebere se fato.*—Посредствомъ этого принесенія себя въ жертву судьбѣ, этого добровольнаго подчиненія необходимости событій, стонки надѣются обрѣсти въ самой необходимости событій свободу души.

вую женщину, ты найдешь по отношенію къ нимъ способность сдержанности. Если тебѣ предстоитъ трудъ, ты найдешь мужество, если обѣда—найдешь терпѣніе. Когда ты привыкнешь къ этому, образы, являющіеся тебѣ, не будутъ въ состояніи увлечь тебя съ собою *).

XI.

Терять и возвращать.

Никогда не говори о чемъ бы то ни было: я потерялъ, но я возвратилъ. Умеръ твой сынъ?—ты его возвратилъ. Умерла твоя жена?—ты ее возвратилъ **). У меня отняли землю. Опять-таки вещь, которую ты возвратилъ. Но у меня отнялъ ее злой человѣкъ. Не все ли тебѣ равно, черезъ кого потребовалъ ее у тебя тотъ, кто далъ ее тебѣ. Пока онъ оставляетъ ее за тобой, пользуйся ею, какъ чужой вещью, какъ пріѣзжій пользуется гостинницей ***).

*) Потому что человѣкъ, обратившись къ самому себѣ, всегда найдетъ въ себѣ способность располагать этими образами, *donatis christi*; вѣрнѣе сказать, не найдетъ ее готовой, прирожденной, а выработаетъ, создастъ ее самъ; мы не получаемъ откуда-то мужество, терпѣніе, а создаемъ ихъ сами, хотѣнемъ: *Quid tibi opus est ut sis bonus? velle.* (Сенека, Epist. 80).

***) Это почти слова Іова: *Dominus dedit, dominus abstulit.*—Что у избравника Іеговы было покорностью произвольнымъ и неисповѣдимымъ велѣніемъ Господа Бога, то у философа является свободнымъ подчиненіемъ, разумнымъ и необходимымъ закономъ природы, которую онъ понимаетъ и любитъ. *Nihil indignetur sibi accidere,* говоритъ Сенека (epist. 74), *sciatque illa ipsa quibus laedi videtur ad conservationem universi pertinere, et ex his esse quae cursum mundi officiumque consummant.*—И въ другомъ мѣстѣ: *Non paves Dro, sed assentior. Ex animo illius, non quia necesse est, sequor* (epist. 96).

****) Эта мысль, поразившая Паскаля, цитируется у него также, какъ правило XVII, въ разговорѣ съ de-Saci.—Ср. Сенека, *ad Marc. 10; Quidquid est hoc, quod circa nos ex adventitio fulget, liberi, honores, opes... alieni commodatique apparatus sunt. Nihil horum dono datur; collaturis et ad dominos reddituris instrumentis scena adornatur.*

XII.

Отреченіе отъ воѣхъ внѣшнихъ вещей есть цѣна, которой покупается счастье.

I. Хочешь преуспѣвать въ мудрости? — оставь разсужденія вродѣ: «Если я стану пренебрегать моимъ имуществомъ, мнѣ нечѣмъ будетъ жить; если я не буду наказывать моего раба, онъ сдѣлается негодяемъ» Ибо лучше умереть съ голода, не зная тоски и опасеній, чѣмъ жить въ изобиліи съ смущенной душой; и лучше пусть твой рабъ будетъ негодяемъ, чѣмъ ты несчастенъ *).

II. Начиная же съ мелочей. Твой маленькій запасъ масла разлился? У тебя отихла вино? Говори: «Такою цѣною покупается безстрастіе, такою цѣною покупается невозмутимость, даромъ ничего не получишь». А когда зовешь раба, думай про себя: «Быть можетъ, онъ не услышитъ или, услышавъ, не захочетъ исполнить мое желаніе; но, чтобы спокойствіе моеи души находилось въ зависимости отъ него — нѣтъ, такого преимущества онъ не получитъ».

XIII.

Назаться и быть.

Если хочешь преуспѣвать въ мудрости, не бойся въ отношеніи внѣшнихъ вещей прослыть безумцемъ и глупцомъ **). Согласись казаться ничего не смыслящимъ; и если кто нибудь обращаетъ на тебя вниманіе, не доверяй самому себѣ. Знай, что нелегко сохранить одновременно свободную волю, сообразную природѣ, и внѣшнія блага; но безусловно необходимо, если ты интересуешься какою либо изъ этихъ двухъ вещей, пренебречь другой ***).

*) См. въ *Поясненіяхъ* рассказъ Эпиктета о томъ, какъ у него украли его желѣзаную лампу.

***) См. *Поясненія*: «Простите мнѣ, какъ прощаютъ влюбленнымъ; я не принадлежу себѣ, я безумецъ!» — говорятъ Эпиктетъ съ увлеченіемъ, не лишенымъ ироніи.

***) Эта мысль — комментарий къ словамъ Сократа: «Не казаться хо-

XIV.

Нельзя одѣлаться независимымъ отъ всякаго человѣка, одѣланнымъ господиномъ своихъ желаній въ отношеніи всѣхъ вещей.

I. Если ты хочешь, чтобы твои дѣти, и твоя жена, и твои друзья жили вѣчно—ты безумецъ, такъ какъ желаешь, чтобы вещи, независимыя отъ тебя, зависѣли отъ тебя, а вещи чуждыя тебѣ, были твоими. Точно также, если ты хочешь, чтобы рабъ твой не совершалъ преступковъ—ты глупецъ, такъ какъ желаешь, чтобы порокъ былъ не порокомъ, а чѣмъ-то другимъ *). Напротивъ, если ты хочешь не быть обманутымъ въ своихъ желаніяхъ, ты можешь достигнуть этого **). Стремись же къ тому, чего можешь достигнуть.

II. Тотъ всегда является господиномъ другого человека, кто можетъ доставить этому послѣднему то, что ему нравится, избавить его отъ того, что ему не нравится. Ты хочешь быть свободнымъ: не желай же и не избѣгай того, что зависить отъ другого; иначе ты непременно будешь рабомъ ***).

рошнымъ человѣкомъ, а быть имъ - вотъ къ чему должно стремиться» (*Gorgiae*, 82; *Воспоминанія*, I, VII 1, II, VI, 39).—Эскиль сказалъ также о гадателѣ Амфіорсѣ: οὐ γὰρ βολαὴν ἀριστος, ἀλλ' εἶναι θελαί (Sept. ad Theb., 578). Известно, какъ афиняне въ самомъ театрѣ примѣняли эти слова къ Аристиду.

Ср. прекрасное мѣсто у Сенеки (epist. 81): Si gratum esse non licebit, nisi ut videar ingratus; si reddere beneficium non aliter quam per speciem injuriae potero, aequissimo animo ad honestum consilium, per mediam infantiam, tendam. Nemo mihi videtur pluris aestimare virtutem, nemo illi esse magis devotus, quam qui boni viri famam perdidit ne conscientiam perderet.—См. *Полемія*.

*) Безъ сомнѣнія, нельзя желать, чтобы порокъ не былъ порокомъ, но можно желать, чтобы порока не было.

***) Желая только того, что зависить отъ тебя.

***) Сенека (epist.): Nunquam major est animus quam ubi aliena reposuit; et fecit sibi pacem nihil timendo: fecit sibi divitias nihil concupiscendo.—«Кого можно назвать богатымъ человѣкомъ?»—спрашивали у Эпиктета.—«Того, чьи желанія удовлетворены»,—отвѣчалъ онъ.

XV.

Сравненіе жизни съ широмъ.

Помни, что ты долженъ вести себя въ жизни, какъ на пиру. Если блюдо, обходя столъ, дошло до тебя, протяни руку и возьми его, соблюдая приличія. Пропшло мимо?—не задерживай его. Еще не дошло до тебя?—не простирай далеко своего желанія, но жди, пока блюдо окажется подлѣ тебя. Относись точно такъ же къ дѣтямъ, женѣ, почестямъ, богатству, и ты сдѣлаешься достойнымъ гостемъ боговъ *).

Если же ты не берешь того, что тебѣ предлагаютъ, а пренебрегаешь имъ, ты будешь не гостемъ только, а товарищемъ боговъ **). Такъ поступали и Діогенъ ***), и Гераклитъ ****), и тѣ, кто ходитъ на няхъ; они были божественны и съ полнымъ правомъ считались таковыми.

*) Это сравненіе жизни съ широмъ только рѣзче обнаруживаетъ ошибку стоической доктрины, которая смѣшиваетъ блюда съ участниками пира, поведеніе, котораго нужно придерживатья въ отношеніи блюдъ, съ поведеніемъ въ отношеніи людей.

**) Сенека заходитъ дальше: «Мудрый — говоритъ онъ — смотритъ на вещи съ такимъ же равнодушіемъ и презрѣніемъ, какъ Юпитеръ; и превосходитъ его потому, что Юпитеръ не можетъ пользоваться всѣми этими вещами, а онъ, человѣкъ, не хочетъ». «Мудрый отличается отъ Бога только продолжительностью существованія (*tempore tantum*)». «Терпите мужественно: этимъ самымъ вы превзойдете Бога. Богъ не доступенъ бѣдствіямъ; вы—выше ихъ». «Есть пунктъ, въ которомъ мудрый превосходитъ Бога, именно: Богъ обязанъ мудростью своей природою, а не себѣ самому. Великое дѣло, оставааясь слабымъ человекомъ, обладать спокойствіемъ Бога». Такъ какъ древніе представляли себѣ Бога совершенной природою, безразличнымъ добромъ (*τὸ ἀγαθόν*), то Сенека и Эпиктетъ нѣгли основаніе доказывать превосходство человѣческой воли надъ этой абстракціей. Истинная доброта и истинная мудрость, какъ Божеская, такъ и человѣческая, та, которая осуществляется свободно: «въ мудрости,—говоритъ Сенека,—драгоценно и неоцѣнимо то, что она не есть даръ, что всякій обязанъ ею только самому себѣ, и бесполезно требовать ее отъ кого бы то ни было».

***) Діогенъ Синопскій, съ его бочкой, замѣнявшей домъ, зернами, служившими пищей, и водой въ качествѣ питья, — Діогенъ, который, будучи рабомъ, сумѣлъ остаться искреннимъ,—всегда оставался типомъ истиннаго мудреца въ глазахъ стоиковъ и циниковъ. Эпиктетъ постоянно приводитъ его въ примѣръ.

****) У Гераклита Эфесскаго стоики заимствовали отчасти свою концепцію міра.

XVI.

Слѣдуетъ обнаруживать состраданіе, не конитывая его.

Если ты видишь человѣка, горящаго потому, что кто либо изъ близкихъ его умеръ, или потому, что его сынъ отправляется въ путешествіе, или потому, что онъ самъ потерялъ состояніе,—остерегайся увлечься этимъ представленіемъ и вообразить этого человѣка жертвою бѣдствій, находящихся внѣ его воли; но будь готовъ сказать: «Не событія удручаютъ его, такъ какъ другіе не удручены ими; а его мнѣнія о событіяхъ» *). Но снизойди на словахъ къ его горю; и даже, въ случаѣ надобности, горюй вмѣстѣ съ нимъ; только остерегайся горевать внутренно **).

XVII.

Сравненіе человѣческой жизни съ театромъ.

Понни, что ты актеръ въ комедіи, которая разыгрывается, какъ угодно господину: ***) если онъ хочетъ длинную, играй длинную; ко-

*) «Такъ какъ другіе не удручены ими». — Это соображеніе кажется страннымъ, но вполне соответствуетъ духу стоицизма. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію стоиковъ, зло реально лишь въ томъ случаѣ когда оно поражаетъ разумъ, а не воображеніе; а разумъ универсаленъ, стало быть то, что кажется зломъ разуму одного индивидуума, должно казаться таковымъ же разуму всѣхъ остальныхъ индивидуумовъ. Предположимъ, напротивъ, что событіе, считаемое зломъ, случилось съ какимъ либо индивидуумомъ и только этотъ индивидуумъ удрученъ имъ, — это зло не затрагиваетъ разума, стало быть, не есть настоящее зло. — Ср. эту мысль съ гл. XXVI; см. *Поясненія*.

**) Удивительное состраданіе, слишкомъ похожее на комедію. Состраданіе, по мнѣнію стоиковъ, чувственное и иррациональное состояніе души, а мудрый долженъ во всемъ искать только разума; слѣдовательно, онъ отвергнетъ состраданіе: Ἐλεος σῆναι πάθος καὶ σωστόλην λόγον (Диог. Лаэрт. *in Zenon*). «Succutet, говоритъ Сенека, non miserebitur».

***) Сенека, *Epist. 77: Quomodo fabula, sic vita; non quam diu, sed quam bene acta sit, refert. Nihil ad rem pertinet, quo loco desinas. Quocumque voles desine: tantum bonam clausulam impone.* — Ср. Маркъ Авр-

роткую—играй короткую; если онъ хочетъ, чтобы ты сыгралъ роль бѣдняка, играй ее съ изяществомъ; равно какъ и роль калѣки, чиновника, плебея. Ибо твое дѣло—хорошо сыграть данную тебѣ роль, но выбрать ее—дѣло другого *)).

XVIII.

Предвѣщанія.

Когда воронъ каркаетъ, предвѣщая бѣду, не давай воображенію увлечь тебя; но тотчасъ разберись въ своихъ мысляхъ и скажи: эти предвѣщанія вовсе не касаются меня; онѣ касаются или моего бреннаго тѣла, или моего маленькаго имуществва, или моей маленькой репутаціи, или моихъ дѣтей, или моей жены **) . Для меня всѣ предвѣщанія счастливыя, если я того хочу; такъ какъ, что бы ни случилось, отъ меня зависитъ извлечь изъ случившагося благо.

лій, XII, 36. «О человѣкъ, ты былъ гражданиномъ вселенной; не все ли тебѣ равно, былъ ты имъ пять лѣтъ или три года?... Актеръ уволенъ изъ театра антрепренеромъ, который его нанялъ. — Да я еще не сыгралъ пяти актовъ, а сыгралъ только три!—Вѣрно, но въ жизни три акта составляютъ полную комедію. Ступай же съ миромъ; тотъ, кто увольняетъ тебя, не гнѣвается».—Ср. Боссюэта, *Sermon sur la mort*: «Я вступаю въ жизнь съ обязательствомъ оставить ее, являюсь, чтобы исполнить свою роль; являюсь, чтобы показаться, какъ и другіе; затѣмъ нужно исчезнуть. Я вижу, какъ люди проходятъ передо мной; другіе увидятъ, какъ я пройду я, въ свою очередь, явить тоже зрѣлище своимъ преемникамъ, а въ концѣ концовъ всѣ сольются въ небытіе. Я пришелъ лишь для того, чтобы пополнить число; больше я ни на что не нуженъ; и пьеса была бы разыграна ничуть не хуже, еслибъ меня не было въ театрѣ».

*) Вѣрно ли, что между людьми распределены готовыя роли? Эти фаталистическія теоріи, съ увлеченіемъ принятыя Паскалемъ, должны, повидимому, убивать человѣческую инициативу. Въ дѣйствительности, каждый изъ насъ самъ назначаетъ себѣ роль въ этой жизни. И сами люди сообща разыгрываютъ, какъ умѣютъ, великую человѣческую комедію. Исполняютъ хорошо только ту роль, которую приняли добровольно; еще лучше исполняютъ ту, которую сами создали.

**) Это значитъ слишкомъ мало интересоваться тѣмъ, что касается другихъ. Тѣ, кого я люблю, не должны ли быть для меня какъ бы вторыми я?

XIX.

Какимъ образомъ можно стать ненебѣдимымъ. Усматривать благо только въ насъ самихъ— средство подавить въ себѣ зависть.

I. Ты можешь быть ненебѣдимъ, если снисходишь до сраженія лишь въ томъ случаѣ, когда въ твоей власти побѣдить.

II. Видя кого либо осмынаннымъ почестями или достигшимъ власти, или вообще процвѣтающимъ, остерегайся—увлеченный своимъ воображеніемъ—считать его счастливымъ *). Въ самомъ дѣлѣ, если сущность блага заключается въ томъ, что зависить отъ насъ—ни зависть, ни ревность не будутъ имѣть мѣста **). И ты самъ захочешь быть не полководцемъ, не префектомъ, не консуломъ, а свободнымъ; къ свободѣ же ведетъ лишь одна дорога: презрѣніе къ тому, что не зависить отъ насъ.

XX.

Никакое оскорбленіе не можетъ быть нанесено намъ другими, а только нами самими.

Помни, что оскорбляеть тебя не тотъ, кто ругаетъ или кто бьетъ тебя: а твое мнѣніе о нихъ, будто они тебя оскорбляютъ. Кто нибудь раздражилъ тебя: знай, что тебя раздражило твое мнѣніе о немъ. Ста-

*) Тацитъ (*Анналы*, VI): Neque mala vel bona, quae vulgus putet. Multos qui conflictari adversis videantur, beatos: ac plerosque, quanquam magnas per opes, miserrimos: si illi gravem fortunam constanter tolerant; hi prospera inconsulte utantur.

**) Зависть и ревность являются у насъ вслѣдствіе бѣсншіа, вслѣдствіе бѣдности: тотъ не завидуетъ, кто богатъ всѣми благами; а если единственною истинною блага заключаются въ нашей волѣ, то каждый можетъ ими обладать, стоитъ только захотѣть. Итакъ, въ отношеніи воли всѣ—богатые и бѣдные, великіе и малые—равны: моральное богатство, по выраженію Сенеки, распределяется, не дѣлясь: «оно цѣликомъ достается каждому и цѣликомъ всѣмъ».

райся же, прежде всего, не дать твоему воображенію увлечь тебя; ибо, если на первый раз ты выиграешь время и отсрочку, то впоследствии тебѣ легче будетъ управлять самимъ собою.

XXI.

Что мы должны всегда имѣть передъ глазами.

Пусть смерть, изгнаніе и всё вещи, которыя кажутся ужасными, ежедневно будутъ передъ твоими глазами, особливо смерть; и ты никогда не подумаешь ничего нелепикаго, никогда не пожелаешь чего либо слишкомъ сильно *).

XXII.

Прилѣпляться къ благу, не опасаясь насмѣшекъ.

Если ты любишь философію, не медли приготовиться къ недѣвательствамъ, къ насмѣшкамъ большинства, которое будетъ хотеть надъ тобой, будетъ восклицать: «Какъ онъ скоро вернулся къ намъ философомъ!» и «Откуда у него эта пышная миша? **)».—Ты же не строй пышной миши, но прилѣпляйся къ вещамъ, которыя считаешь лучшими, какъ будто бы самъ Богъ предназначилъ тебя къ этому; и помни, что если ты останешься имъ вѣренъ—тѣ самые, кто раньше

*) Паскаль цитируетъ эту мысль въ *Разговоръ съ де-Саси*. Онъ понимаетъ ее, безъ сомнѣнія, въ христіанскомъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, что Эпиктетъ желаетъ этимъ постояннымъ представленіемъ смерти принизить насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ, заставить насъ почувствовать наше безсиліе и смириться передъ Богомъ. Далекій отъ этого, Эпиктетъ желаетъ, чтобы мы стали выше смерти и воображаемыхъ золъ, которыя намъ разумъ предвидать и принимать, чтобы мы познали свое могущество, почувствовали Бога, который въ насъ, и поднялись къ Богу, который надъ нами.

**) Какъ извѣстно, Эпиктетъ, пытаясь говорить о философіи римскому претонародію, былъ принужденъ къ молчанію врывами хохота и насмѣшекъ.

смѣялся надъ тобою, будутъ удивляться тебѣ *); если же ты уступишь этимъ людямъ, то навлечешь на себя удвоенныя насмѣшки съ ихъ стороны.

XIII.

Прилѣпляться къ благу, не жлая похвалы.

Если, паче чаянія, тебѣ случается обращаться къ внѣшнимъ вещамъ съ цѣлью угодить кому либо, — знай, что тебѣ не удастся твое предпріятіе **). Итакъ, будь философомъ въ отношеніи всѣхъ вещей и довольствуйся этимъ. Если же хочешь казаться философомъ, кажись имъ самому себѣ — это въ твоей власти ***).

XXIV.

Прилѣпляться къ тому, что зависитъ отъ насъ, значитъ быть истинно полезнымъ самому себѣ и другимъ, нашимъ друзьямъ, нашей родинѣ.

I. Пусть не удручаютъ тебя такія мысли: «Я проживу безъ чести, какъ ничтожный человекъ». Ибо если безчестіе дурно, ты не можешь впасть во что либо дурное или постыдное по волѣ другого. Твое ли дѣло получить отлічіе или быть приглашеннымъ на пирь? Вовсе нѣтъ. Въ чемъ же безчестіе? И какимъ образомъ станешь ты ничтожнымъ человекомъ? Вѣдь только въ вещахъ, которыя зависятъ отъ тебя, ты долженъ показать себя чѣмъ нибудь? а въ этой области развѣ ты не можешь приобрести величайшее значеніе?

II. Но мои друзья останутся безъ помощи. — Что ты говоришь — безъ помощи? Они не получаютъ отъ тебя денегъ, ты не сдѣлаешь ихъ римскими гражданами? А кто тебѣ сказалъ, что эти вещи принадле-

*) Это случилось съ самимъ Эпиктетомъ.

***) Это предпріятіе — отысканіе свободы и мудрости.

***) Персіѣ, I. 70:

Scire tuum nihil est, nisi te scire hoc sciat alter!

At pulchrum est digito monstrari et dici: Hic est!

жать къ числу тѣхъ, которыя зависятъ отъ насъ, а не тѣхъ, которыя намъ чужды? Притомъ, кто можетъ дать другому, чего самъ не имѣеть? *)).

III. Наконецъ же, говоришь ты, чтобъ и мы обладали. — Если я могу накопить богатство, сохраняя неприкосновенными стыдъ, совѣсть, великодушiе—укажи мнѣ путь, я накоплю. Но если вы требуете, чтобъ я потерялъ мои блага, мои собственные блага, ради того, чтобы вы приобрѣли вещи, которыя, вдобавокъ, вовсе не составляютъ блага—то смотрите сами, какъ вы несправедливы и неблагоразумны **). Такъ то! что же вы больше цѣните: деньги или друга, вѣрнаго и скромнаго. Помогите-ка лучше мнѣ сдѣлаться такими и не требуйте, чтобы я дѣлалъ что либо, изъ за чего потеряю подобныя блага ***).

IV. Но, говоришь ты, отечество останется безъ поддержки съ моей стороны.—Еще разъ, о какой поддержкѣ ты толкуешь? Правда, оно не получить отъ тебя ни портиковъ, ни термъ. Но что жъ изъ этого? Вѣдь оружейникъ не снабжаетъ его обувью, или кожевникъ оружіемъ. Пусть каждый исполняетъ свое дѣло. И если ты подготовилъ ****) для него гражданина, честнаго и скромнаго, развѣ ты не оказалъ ему услуги? Конечно, да. Такимъ образомъ, и самъ ты не будешь бесполезенъ для твоего отечества *****).

*) См. въ *Полеміахъ* главу Эпиктета о дружбѣ и истинныхъ друзьяхъ.

**.) «Несправедливы»-- требуя, чтобы мудрый пожертвовалъ собственными благами; «неблагоразумны» желая, какъ блага, вещей, которыя вовсе не составляютъ блага.

***.) Это мѣсто, повидимому, намекаетъ на людей, понимающихъ дружбу въ смыслѣ Эпикура, какъ полезнѣйшее изъ всѣхъ приобретеній: друзей заводятъ ради выгоды, чтобъ получать, а не давать. Нужно, говорить Эпикуру, культивировать дружбу, какъ воздѣлывать поле, чтобъ получить урожай.—Однако, самъ Эпикуру, увлеченный почтеніемъ и культомъ дружбы, повидимому, не совместили съ его доктриной, сказалъ въ одномъ изъ своихъ правилъ: «Надо иной разъ и умереть за друга».

****.) Своими наставленіемъ и примѣромъ. См. *Полеміа*.

*****.) «И самъ ты не будешь бесполезенъ для твоего отечества: *οὐδὲ σὺ ἀνεφελής*». Функция стоическаго мудреца—быть прежде всего полезнымъ себѣ самому и человѣчеству; его истинное отечество міръ; и если онъ окажется полезнымъ другому отечеству, тому, въ которое его забросила случайность рожденія, то лишь между прочимъ, не въ счетъ. Его

V. Какое же мѣсто, говоришь ты, займу я въ государствѣ? — То, которое сможешь занять, сохраняя совѣсть и стыдъ; но если, желая послужить государству, ты утратишь ихъ, въ чемъ же можешь быть ему полезенъ, сдѣлавшись безстыднымъ и безчестнымъ?

XXV.

Какою цѣною получаютса виѣшнія блага.

I. Такого-то предпочли тебѣ на праздникѣ, или отличили поклономъ, или приняли въ совѣтъ вмѣсто тебя; если это блага, радуйся, что они достались на его долю; если жъ это бѣдствія, не огорчайся, что они миновали тебя; но развѣ ты не дѣлаешь того, что дѣлаютъ

разумъ, будучи универсальнымъ, не созданъ ли для того, чтобы переходить границы города или страны?—Сенека, объявляя, какъ и Эпиктетъ, что мѣръ есть общее отечество, желаетъ, однако, чтобы мудрецъ занимался дѣлами своей страны. Въ этомъ отношеніи онъ правъ: лучший способъ послужить человѣчеству, этой всеобщей родинѣ — посвятить себя служенію нашей ограниченной родинѣ; нужно, такъ сказать, утвердиться на опредѣленной почвѣ; служить человѣчеству — вещь прекрасная, но слишкомъ неопредѣленная.

Сенека перебираетъ различныя должности, которыя могъ бы занимать философъ въ римскомъ отечествѣ; къ несчастію, всѣ эти должности оказываются въ рукахъ имперіи: найдется ли хоть одна, которая не была бы недоступною философу? — «Ему не позволено больше служить въ войскахъ? Хорошо, пусть же онъ обратится къ общественнымъ должностямъ. Онъ принужденъ оставаться частнымъ лицомъ? Пусть онъ сдѣлается ораторомъ. Ему велѣно молчать? Пусть онъ будетъ безмолвнымъ адвокатомъ за своихъ согражданъ. Опасно являться на Форумъ? Хорошо, пусть же у себя дома, въ театрѣ, на праздникахъ онъ будетъ надежнымъ согражданиномъ, вѣрнымъ другомъ, воздержнымъ собутыльникомъ. Если онъ не можетъ исполнять обязанности гражданина, пусть исполняетъ обязанности челоуѣка!» Итакъ, лишь только Римъ потерялъ республиканское устройство, Сенека уже видитъ съ грустью, какъ всѣ должности послѣдовательно ускользаютъ отъ философа. Мудрено ли, что позавѣ, когда деспотизмъ еще болѣе развился, когда единственнымъ средствомъ служить государству осталось «дарить ему портвья или термы», стоить по неволѣ оставлять эту падшую родину, довольствуется тѣмъ, что будетъ для нея «небезполезенъ», и видитъ только двѣ вещи: себя и мѣръ; свой разумъ, который нужно освободить, и всемірный разумъ, который нужно понять.

другіе для достиженія вещей, которыя не зависятъ отъ насъ, ты не долженъ претендовать на равную съ другими участь.

II. Какъ могутъ достичь одного и того же тотъ, кто не посѣщаетъ знатнаго, и тотъ, кто постоянно торчитъ у него? Тотъ, кто не сопровож- даетъ его, и тотъ, кто его сопровождаетъ? Тотъ, кто льститъ ему и тотъ кто ему не льститъ. Ты несправедливъ и ненасытенъ, если, не уплачивая цѣны, которой получаютъ эти блага, жалеешь получить ихъ даромъ.

III. Почему продается салатъ? по оболу, кажется. Если кто нибудь, давъ оболу, получилъ салатъ, а ты, не давъ ничего, не получилъ—не думай, что ты имѣешь меньше, чѣмъ тотъ, кто получалъ салатъ: у него салатъ, у тебя оболу, котораго ты не отдалъ.

IV. Вотъ и здѣсь тоже. Такой-то не приглашаетъ тебя на обѣдъ? Это потому, что ты не далъ ему цѣну, за которую онъ продаетъ свой обѣдъ: онъ продаетъ его за похвалу, за комплиментъ. Дай же ему цѣну, которую онъ требуетъ, если находишь это выгоднымъ. Но если не хочешь дать ее и, тѣмъ не менѣе, хочешь взять, ты ненасытенъ и глупъ.

V. Развѣ ты ничего не получилъ вмѣсто этого обѣда? Вотъ что ты получилъ: ты не льстилъ тому, кому не хотѣлъ льстить, и не подвергался оскорбленіямъ со стороны его слугъ *).

XXVI.

Какъ узнать законъ природы.

Мы можемъ узнать цѣль природы по вещамъ, относительно которыхъ не расходимся во мнѣніяхъ другъ съ другомъ. Напримѣръ, когда чужой рабъ разобьетъ чашу, ты готовъ сказать: «Это обыкновенный случай». Знай же, что если разобьютъ твою, ты долженъ показать себя такимъ же, какииъ ты былъ, когда разбилась чужая. Приложи это правило къ болѣе важнымъ случаямъ. Умеръ чужой сынъ или жена; всякій скажетъ: «Такова участь человѣческая!» Но всякій, у кого умеръ его собственный сынъ, восклицаетъ: «О, я несчастный!»

*) Эта глава остроумна, въ ней заключается также глубокая мысль; сколько людей сдѣлались бы бѣдняками, если бы у нихъ отняли все, что они купили цѣной своей нравственности.

Слѣдовало бы помнить, какія чувства мы испытываемъ, узнавая, что тѣ же несчастія случились съ другими *).

XXVII.

Цѣль міра.

Какъ не ставить цѣль для того, чтобы не достигнуть ее, такъ и сущность зла не существуетъ въ мірѣ **).

XXVIII.

Проституція души.

Если бы кто нибудь отдавалъ свое тѣло въ распоряженіе перваго встрѣчнаго, ты бы негодовалъ; но самъ ты отдаешь свой духъ въ распоряженіе перваго встрѣчнаго до такой степени, что если онъ оскорбляетъ тебя, твой духъ смущается и волнуется — и ты не стыдишься этого?

XXIX.

Какъ нужно изслѣдовать дѣйствіе правды, чѣмъ предпринять его.

I. Изслѣдуй сначала условія и послѣдствія каждаго дѣйствія, а потомъ уже берись за него. Иначе, ты начнешь съ жаромъ, а потомъ, когда обнаружатся затрудненія, ретируешься со стыдомъ ***).

*) Развѣ тутъ нѣтъ разницы: мы любимъ особенно и чисто личною любовью тѣхъ, кто связанъ съ нами, тогда какъ остальнымъ людямъ мы любимъ безличною любовью?

**) Цѣль сотворенія міра—осуществленіе добра: существованіе зла доказывало бы, что Богъ или природа, поставивъ себѣ эту цѣль, не достигли ея—что немислимо для всемогущей причины. Итакъ, зло не существуетъ въ мірѣ, по мнѣнію стоиковъ; оно существуетъ только въ нашемъ воображеніи, которое принимаетъ боль и смерть за зло; но разумъ и воля, поправивъ воображеніе, устраняютъ это зло, присущее намъ: то есть устраняютъ всякое зло. Нравственный человѣкъ оправдываетъ Бога.

***) Сенека, *De ira*, II, 31: *Turpissimam, aiebat Fabius, imperatoris excusationem esse: Non putavi. Ego turpissimam homini puto. Omnia puta, exspecta... Semper futurum aliquid quod te offendet, existima.*

II. Ты хочешь побѣдить на Олимпійскихъ играхъ? Я то же, клянусь богами! вѣдь это отличная штука. Но разсмотри, что предшествуетъ этому предпріятію и что слѣдуетъ за нимъ, и тогда уже принимайся за дѣло. Тебѣ нужно соблюдать дисциплину, подчиниться нѣвѣстному режиму, воздерживаться отъ лакомства, упражняться непременно въ опредѣленные часы, какъ въ зной, такъ и въ холодъ; не пить ни свѣжей воды, ни вина, когда вѣдуется; словомъ, подчиниться учителю, какъ врачу. Потому, во время борьбы, тебѣ придется кататься въ пыли, иной разъ вывихнуть руку, свернуть ногу, наглотаться песку; иногда вытерпѣть побой и, при всемъ томъ, остаться побѣжденнымъ.

III. Вѣвѣсивъ все это, дѣлайся атлетомъ, если еще остаешься при своемъ желаніи. Иначе ты угодобишься дѣтямъ, которые играютъ то въ атлета, то въ гладіатора, сейчасъ трубятъ въ трубу, а минуту спустя декламируютъ трагедію; такъ поступаешь и ты: сегодня атлетъ, завтра гладіаторъ, потомъ риторъ, потомъ философъ, а всей своей душой ничто *). Какъ обезьяна, ты передразниваешь все, что видишь, и безпрестанно переходишь отъ одного пристрастія къ другому. Это потому, что ты взялся за дѣло не разсмотрѣвъ его, не изучивъ его со всѣхъ сторонъ, а наобумъ, увлекаемый легкомысленнымъ желаніемъ.

IV. Такъ, нѣкоторые люди хотятъ философствовать, потому что увидали философа или слышали кого нибудь, кто говорилъ, какъ Евфратъ (а можеть ли кто нибудь говорить, какъ онъ?) **).

V. Человѣкъ, вслѣдуя сначала дѣла, какъ оно есть, а потомъ свою собственную природу и можешь ли ты нести такое бремя. Ты хочешь быть атлетомъ или борцомъ? Разсмотри своя руки, бедра; испытай свои чресла: одинъ человѣкъ родится для одного дѣла, другой для другого.

VI. Не думаешь ли ты, собираясь стать философомъ, что тебѣ можно будетъ ѣсть и пить по прежнему, сохранять прежнія стремленія и прежнія отвращенія? Тебѣ нужно будетъ бодрствовать, трудиться ***)

*) И въ наше время не мало такихъ большихъ дѣтей.

**) Евфратъ, о которомъ говорить съ такою похвалою Эпиктетъ, и о которомъ онъ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ (*Dissert.* II. 15; VII, 57), былъ египетскій философъ. (Ср. Плиній младшій, *Epist.* I 10). По словамъ Діона, онъ лишилъ себя жизни, чтобъ избѣжать бѣдствія старости.

***) Трудиться: *πορεύειν*. Извѣстно, какое важное значеніе имѣла эта идея въ стоической доктринѣ. Аристиппъ и Эпикуръ считали высшимъ благомъ удовольствіе *ἡδονή*, бездѣятельность, *ἀσεία*. Въ силу рѣзкой реакціи противъ этихъ системъ, Антисфенъ и Зенонъ провозгласили выс-

удаляться отъ своей семьи, выносить презрѣніе раба, насмѣшки встрѣчныхъ, быть послѣднимъ во всемъ: въ почестахъ, въ должностяхъ, въ малѣйшемъ дѣлѣ *).

Взявъ всѣ эти вещи и рѣшай, хочешь ли приобрести взаимнѣе безстрастіе, свободу, невозмутимость; если нѣтъ, не приближайся къ намъ; или ты будешь, какъ ребенокъ, сегодня философомъ, завтра ростовщикомъ, тамъ риторомъ, тамъ прокураторомъ Цезаря. Нельзя совмѣстить всѣ эти вещи разомъ. Тебѣ слѣдуетъ быть однимъ и тѣмъ же человѣкомъ—или хорошимъ, или дурнымъ; слѣдуетъ заботиться или о главной части твоего я, или о внѣшнихъ предметахъ; слѣдуетъ примѣнить свое искусство или къ внутреннимъ, или къ внѣшнимъ вещамъ, т. е., слѣдуетъ быть философомъ или обыкновеннымъ человѣкомъ.

XXX.

Мѣрло обязанностей.

Обязанности вообще соразмѣряются съ отношеніями, въ которыхъ мы поставлены. У тебя есть отецъ; тебѣ приказано заботиться о немъ, уступать ему во всемъ, выносить отъ него брань, побок.—Но у меня дурной отецъ.—Развѣ ты связанъ естественно съ хорошимъ отцомъ? Нѣтъ, просто съ отцомъ.—Мой братъ поступаетъ со мною несправедливо.—Сохрани къ нему отношеніе брата и разбирай—не то, что онъ дѣлаетъ, а то, что ты долженъ дѣлать, чтобы сообразовать свою волю съ природой. Никто, кромѣ тебя самого, не можетъ оскорбить тебя,

шимъ благомъ трудъ — *пѣнос*, напряженіе — *тѣнос*. Эпикурейской инертности они противопоставили напряженіе и работу. Какъ міръ съ его смѣной явленій представляетъ, по мнѣнію стоиковъ, различныя фазы вѣчной борьбы: — борьбы разума съ матеріей, души міра съ ея внѣшней оболочкой—такъ жизнь человѣческая, сокращенный образъ жизни Цѣлаго, состоитъ въ борьбѣ разума съ чувственностью, души съ тѣломъ. Живетъ тотъ, кто неустанно борется съ своимъ тѣломъ, своими страстями и желаніями; тотъ почти Богъ, кто одержитъ побѣду въ этой борьбѣ.

*) Это напоминаетъ слова Христа: «Послѣдніе будутъ первыми». Но, по ученію христіанства, они будутъ первыми въ другомъ мірѣ, въ будущей жизни: по ученію стоиковъ, они первые теперь, въ этой жизни; этимъ первенствомъ они не обязаны никому, даже Богу: они обязаны имъ самимъ себѣ, они обладаютъ имъ въ своемъ сознаніи.

если ты не хочешь этого, и ты будешь оскорбленъ лишь въ томъ случаѣ, когда считаешь себя оскорбленнымъ. Равнымъ образомъ, ты узнаешь свои обязанности къ сосѣду, согражданину, полководцу, если размотришь, какія отношенія связываютъ тебя съ ними *).

XXXI.

Истинный культъ божества.

I. Знай, что главное условіе почитанія боговъ—имѣть правильныя мнѣнія о нихъ **); вѣрить, что они существуютъ и управляютъ всѣмъ

*) Можно согласиться со стоиками, что наши обязанности *измѣняются или опредѣляются природою и нашими внѣшними отношеніями*. Такъ, рамка *взмѣряетъ и ограничиваетъ картину*. Но не слѣдуетъ смѣшивать картину съ рамкой, какъ дѣлаютъ стоики. Наши обязанности возлагаются на насъ *извнѣ, природою вещей*; мы сами возлагаемъ ихъ на себя; не будь этого, моральная обязанность была бы только физической или естественной обязанностью. Мы одни можемъ возлагать на себя *дѣйствительныя, подлинныя обязанности*, мы одни устанавливаемъ моральный законъ. Мы говоримъ, напримѣръ: я хочу быть благодарнымъ; разъ этотъ законъ установленъ, природа доставляетъ намъ случаи для его приложения: она даетъ намъ отца, мать. Въ отношеніи къ нимъ прежде всего мы приложимъ моральный законъ благодарности. Затѣмъ природа окружаетъ насъ братьями, родственниками и проч. Этими силами она помогаетъ намъ формулировать и исполнять наши различныя обязанности, но сама обязанность, т. е. нравственный долгъ, создается волею, а не природою. Сами стоики поняли это смутно и поставили выше *естественно подобающаго (καθήκον, officium medium)* *совершенно подобающее (καθήκον τέλειον, officium perfectum)* и *морально обязательное (το δέον, quod oportet)*. См. Цицеронъ, *De finibus*, III, XVII.

**) *Deum coluit qui novit*, сказалъ Сенека.—Стоики энергично боролись съ внѣшнимъ культомъ, этимъ скопищемъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ обрядовъ. И въ этомъ отношеніи они заставляютъ человека обратиться къ нему самому; если онъ хочетъ обрѣсти Бога, пусть ищетъ его не въ внѣшнемъ мірѣ, не въ храмѣ, не въ обрядностяхъ, а въ себѣ самомъ, своимъ разумомъ, своею любовью. «Освободите Бога!»—скажетъ Дидро. Сенека и Персій рисуютъ портретъ языческаго Тартюфа, который проситъ у боговъ того, что постыдился бы просить у людей: «До полного безумія дошли вывѣче люди!»—говоритъ Сенека (*Epist.* 41 и 10). Они бормочатъ вполголоса безстыжія просьбы на ушко богамъ. Если кто нибудь слушаетъ ихъ, они умолкаютъ. Они не посмѣли бы сказать людямъ

вещами пристойно и справедливо; что самъ ты созданъ, дабы повиноваться имъ, принимать все происходящее, сообразоваться съ нимъ добровольно, какъ съ дѣломъ всеблагого разума. Въ такомъ случаѣ ты никогда не будешь жаловаться на боговъ и никогда не обвинишь ихъ въ пренебреженіи къ тебѣ.

II. А сдѣлаться такимъ ты можешь лишь въ томъ случаѣ, если отинишь добро и зло отъ вещей, которыми не зависятъ отъ насъ, и станешь полагать его въ тѣхъ, которыя зависятъ отъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты считаешь худыми или хорошими внѣшнія вещи, то, не получивъ тѣхъ, которыя желаешь, или подвергшись тѣмъ, которыхъ боишься, ты непремѣнно осудишь и проклянешь творцовъ этихъ вещей.

III. Дѣйствительно, всякое живое существо родится, чтобы избѣгать вещей, кажущихся ему вредными, и ихъ причинъ; любить вещи, кажущіяся ему полезными, и ихъ причины. И не можетъ того быть, чтобы человекъ, который считаетъ себя пострадавшимъ отъ какого либо вреда, возлюбилъ то, что, по его мнѣнію, причинило этотъ вредъ, какъ не можетъ онъ радоваться самому вреду *).

IV. Вотъ почему сынъ осыпаетъ упреками отца, если этотъ послѣдній не дѣлается съ нимъ тѣмъ, что тотъ считаетъ благомъ. Точно также Этеокла и Полиника сдѣлало врагами мнѣніе, будто тираннія есть

того, что говорятъ богамъ!»—А Персій: «Люди были бы поставлены въ очень затруднительное положеніе, если бы ихъ заставили произносить свои молитвы во всеуслышаніе, *aperto tevere toto*. Мудрость, честь, добродѣтель—вотъ чего просить громко, чтобы слышали сосѣди; а вотъ молитва, которую бормочать чуть слышно: «О! еслибъ мнѣ довелось увидѣть великодушныя похороны моего дяди!... Если бы мой воспитанникъ, котораго я прижимаю къ сердцу и послѣ котораго я законный наследникъ, могъ получить *своей отпуска*. Вѣдь въ концѣ-концовъ это было бы счастьемъ для него: онъ страдаетъ отъ лавъ, желчь душитъ и наводитъ его»... О, душе, пригнута къ землѣ и чуждыя небесныхъ вещей! (*O curvae in terras animae et caelestium inanes!*). Зачѣмъ приносить въ храмъ такія мысли и судить о томъ, что угодно богамъ, по вашей испорченной плоти?» (*Сатиры*, II, 7, 44).

*) Въ этомъ параграфѣ излагается оригинальное воззрѣніе. Идея нравственного блага, высшаго, чѣмъ физическое благо и зло, необходима для истиннаго благочестія. Только нравственный человекъ можетъ любить Бога, такъ какъ только онъ можетъ объяснить и оправдать міръ; если бы не существовало моральнаго блага, сколько зла было бы во вселенной!

благо *). По той же причинѣ земледѣлец осыпаетъ упреками боговъ **) а также и истрось, а также и купецъ, а также и тотъ, кто потерялъ жену и дѣтей. Ибо только тамъ, гдѣ есть польза, можетъ быть благочестіе ***). Поэтому, кто соблюдаетъ правило желать и избѣгать только того, чего слѣдуетъ желать и избѣгать, тотъ соблюдаетъ этииъ самыиъ благочестіе.

V. Нужно всегда дѣлать возліанія, жертвы и приношенія сообразно обычаяиъ страны, правильно, не иѣщая и не зѣвая, не скупо и не расточительно ****).

XXXII.

Намъ надо совѣтоваться съ оракулами.

I. Когда ты собираешься прибѣгнуть къ искусству гадателя, ииѣй въ виду слѣдующее: ты, конечно, не знаешь того, что должно случиться, и обращаешься къ гадателю, чтобы узнать; но ты знаешь качество того, что должно случиться, по крайней иѣрѣ, если ты философъ *****). Ибо если это одна изъ тѣхъ вещей, которыя не зависятъ отъ насъ, то она не можетъ быть ни добромъ, ни зломъ.

*) Смыъ, осыпавиій упреками отца, это человекъ, хуляиій Бога; Эисекъ и Полянникъ—люди, которые, будучи братьями, слишкомъ часто бывають братьями врагами.—Эиктетъ не однажды возвращается къ этому сравненію съ братьями врагами (см. *Поисеміа*).

***) Безъ сомнѣнія, въ случаѣ неурожая.

***) То есть: тамъ, гдѣ человекъ не находитъ для себя пользы, ему не за что быть признательнымъ; а безъ признательности не можетъ быть благочестія. Эиктетъ вовсе не хочетъ сказать, что благочестивымъ можно быть только ради выгоды.

****) Ср. *Воспоминанія*, IV, III. «Вотъ что меня огорчаетъ, Сократъ: никто не благодаритъ боговъ, какъ слѣдуетъ, за ихъ благодѣянія.—Не тревожься этимъ, Эитидемъ. Ты знаешь отвѣтъ Дельфійскаго оракула іамъ, кто спрашиваетъ его, какъ нужно чтить боговъ: *Слѣдуйиъ законамъ вашей страны*. А законъ всѣхъ странъ предписываетъ каждому жертвовать по его средствамъ. Какой же способъ почитанія боговъ можетъ быть лучше и благочестивѣе того, который они сами предписываютъ!»

*****) По системѣ стоиковъ, разумъ и воля человѣческіе создаютъ на чество и цѣну вещей (См. выше).

II. Не приноси же къ оракулу ни желанія, ни отвращенія и не трепещи, приближаясь къ нему; но знай, что все, что случится—безразлично, и вовсе до тебя не касается; чтобы ни случилось, въ твоей власти сдѣлать изъ случившагося хорошее употребленіе, и никто не помѣшаетъ тебѣ въ этомъ. Подходи же къ богамъ съ увѣренностью, какъ къ совѣтникамъ. Впрочемъ, когда ты получишь отъ нихъ совѣтъ, вспомни, кого ты взялъ въ совѣтники и кому окажешь неповиновеніе, если не будешь имѣть къ нимъ довѣрія.

III. Спрашивай оракула, какъ предписывалъ Сократъ *), лишь о тѣхъ вещахъ, гдѣ вопросъ сводится къ происшествію и ни разумъ, ни искусство не помогутъ узнать о предметѣ, который тебя интересуетъ **).

Но, когда тебѣ нужно подвергнуться опасности ради друга или отечества, не спрашивай оракула, долженъ ли ты рискнуть на это; ибо если гадатель объявитъ, что жертвы оказались неблагоприятными, то очевидно, это знаменіе предвѣщаетъ тебѣ гибель или потерю какого нибудь члена, или изгнаніе; а между тѣмъ разумъ доказываетъ, что

*) «Сократъ находилъ смѣшнымъ обращаться къ богамъ съ такими вопросами, рѣшать которые мы можемъ сами съ помощью данныхъ намъ богами способностей: это все равно, что спрашивать у нихъ, должны ли мы довѣрить свою колесницу искусному или неумѣлому кучеру, свой корабль плохому или хорошему лодману. Онъ называлъ нечестивой манію спрашивать боговъ о томъ, что мы легко можемъ узнать путемъ расчета или примѣнивъ мѣру и вѣсъ.—Будемъ изучать то, что боги позволили намъ знать—говорилъ онъ; но прибѣгнемъ къ искусству гадателя, чтобы узнать о вещахъ, которыя отъ насъ скрыты; боги общаются съ тѣми, кого възмущу своей милостью». (*Воспоминанія*, I, 1).

**) Напримѣръ, въ наукѣ, въ философіи, въ морали, въ естественной религіи можно пользоваться разумомъ; поэтому бесполезно совѣтоваться съ жрецами и гадалками о томъ, какъ намъ думать, какъ поступать, какъ познавать и чтить Бога, и проч. Во всемъ этомъ только разумъ можетъ руководить нами.—Напротивъ, въ эмпирическихъ искусствахъ, въ торговлѣ, напр., когда все высчитано, неожиданное происшествіе можетъ разстроить всѣ расчеты; чтобы предвидѣть это событіе, позволительно обращаться къ богамъ.—Низведенное до такой скромной роли, искусство гаданія неизбѣжно должно было исчезнуть. Не преминуя замѣтить, что не только въ наукѣ, но и въ житейскихъ дѣлахъ, лучший гадатель все-таки разумъ. Такимъ образомъ, философія отпала у теологии всѣ ея привилегіи; философъ, благомыслящій человекъ, сталъ настоящимъ жрецомъ, единственнымъ истиннымъ служителемъ Божества (См. *Разговоры и Мысли Марка Аврелія*).

тебѣ во всякомъ случаѣ надо остаться подлѣ друга или подвергнуться опасности ради отечества. Слушайся же великаго гадателя, Аполлона Пифійскаго, который выгналъ изъ своего храма того, кто не помогъ другу въ борьбѣ съ убійцами *)).

XXXIII.

I. Не мѣшкая, выработай себѣ родъ образца или типа поведенія, которому будешь слѣдовать, оставаясь ли наединѣ съ самимъ собою, или въ присутствіи другихъ людей **).

II. Храни молчаніе, по возможности, или говори лишь необходимое и въ самыхъ краткихъ словахъ. Рѣдко, и лишь когда случай того требуетъ, разговаривай, но никогда о пустякахъ, ни о гладиаторахъ, ни объ играхъ въ циркѣ, ни объ атлетахъ, ни о кушаньяхъ и напиткахъ, — темы, которыя у всѣхъ на устахъ; а въ особенности не говори ничего о людяхъ, ни ради похвалы, ни ради порицанія, ни ради сравненія.

III. Если можешь, направляя свои рѣчи рѣчи твоихъ собесѣдниковъ къ благопристойнымъ темамъ; если же тебя окружаютъ иностранцы, молчи.

IV. Не свѣйся ни слишкомъ много, ни слишкомъ часто, ни слишкомъ громко ***).

*) Рассказываютъ, что двое людей, на пути въ Дельфы, попались въ руки разбойниковъ. Одинъ былъ убитъ, другой, убѣжавшій не оказавъ помощи товарищу, явился къ оракулу. Но Богъ выгналъ его, сказавъ: «Находясь подлѣ друга, когда его убивали, ты не помогъ ему; ты не чистъ, уходи изъ этого святаго мѣста». (См. Симплицій, *Comment. in Eusebiid.* XXXII).

Правда, изъ рассказа слѣдуетъ, что этотъ человекъ не могъ спасти своего друга; но онъ долженъ былъ умереть вмѣстѣ съ нимъ.

***) Планъ поведенія, набросанный ниже, сжатый очеркъ античной жизни. — Стояки требовали, чтобы человекъ не жилъ, какъ придется (*praeter propter vita vivitur*), а выработалъ общій планъ поведенія, которому бы подчинилъ всю свою жизнь и съ которымъ бы сообразовалъ всѣ свои дѣйствія. Эту идею одинъ изъ новѣйшихъ моралистовъ, Франклинъ, развилъ въ своей картинѣ морали.

***)) Какъ извѣстно, древніе, особенно римляне, придавали большое значеніе тому, что они называли *decorum* — важности и внушительности манеръ. Не удивительно, что Эпиктетъ запрещаетъ философу

V. Не клянись никогда, если это возможно; если же и́тъ, клянись какъ можно рѣже.

VI. Не води компаніи съ фатами и пошлыми людьми. Если же случится, слѣди за собой, чтобъ не впасть самому въ пошлыя манеры. Ибо знай, кто водится съ грязнымъ пріятелемъ, запачкается объ него, хотя бы самъ былъ чистъ.

VII. Изъ всего, что касается тѣла, какъ ѣда, питье, одежда, домъ, прислуга, имѣй лишь строго необходимое. Все же, что служить для хвастовства или сластолюбія, устрани совершенно.

VIII. Что до утѣхъ Венеры, оставайся, по возможности, чистъ до брака; если пользуешься ими, пользуйся по закону. Но не допевай тѣхъ, кто пользуется ими иначе, и не хвастайся похода своей воздержностью *).

IX. Если тебѣ передадутъ, что такой то дурно говорилъ о тебѣ, не опровергай того, что было сказано, а отвѣть: «Безъ сомнѣнія, ему невѣстны другіе мои недостатки, разъ онъ не упомянулъ о нихъ» **).

X. И́тъ надобности часто бывать въ театрѣ, при случаѣ схода, но относись съ участіемъ и интересомъ не къ какой либо изъ партій ***) , а къ самому себѣ: то-есть, желай, чтобы случилось то, что случится, и чтобы побѣдилъ тотъ, кто побѣдитъ; въ такомъ случаѣ ничто не потре-

смѣяться; хотя это запрещеніе не безусловное: мудрый—говорить Сенека—долженъ подъ важной внѣшностью сохранять внутреннюю веселость, которая наполняетъ его грудь, не искажая лица: „Animus debet esse alacer et fidens, et super omnia erectus. Res severa est verum gaudium; caeterae hilaritates non implent pectus, sed frontem remittunt; leves sunt (Сенека, *epist.* 23)*.

*) «Оставайся, по возможности, чистъ». Христіанство, какъ высшая правда, скажетъ: «Оставайся чистъ всегда». Въ другомъ мѣстѣ самъ Эпиктетъ, говоря о философѣ, восклицаетъ: «Его душа должна быть чище солнца».

**) Этотъ совѣтъ не такъ возвышенъ, но болѣе удобоисполнимъ, чѣмъ Евангельское: «Если тебя ударятъ въ правую щеку, подставь лѣвую».

***) Партіи *зеленыхъ* и *синихъ* возникъ, маленькихъ и длинныхъ щитовъ. Римляне относились съ страстнымъ интересомъ къ той или другой изъ этихъ партій, къ тому или другому изъ этихъ цвѣтовъ: *nunc favent ranno, rannum amant*,—говоритъ Плиній младшій (IX, 6.—См. Тертуллианъ, *de Spectac.* с. 9; Кассиодоръ, *Var. l. III, epist.* 51). Позднѣ дрались изъ за синихъ или зеленыхъ, и по окончаніи представленія кровь лилась на улицахъ.

вожить тебя. Избѣгай совершенно поощрять кого бы то ни было, смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было, принимать участіе въ бурныхъ движеніяхъ толпы. А возвращаясь, не распространяйся о происшедшихъ событіяхъ; это отнюдь не послужитъ къ исправленію твоей души, такъ какъ будетъ казаться, что ты повергнуть въ изумленіе зрѣльщамъ *).

XI. Не бывай—ни случайно, ни по легкомыслію—на чтеніяхъ навѣстнаго рода людей; но если попадешь на такое чтеніе, сохраняй свою серьезность, свое спокойствіе и старайся не докучать другимъ **).

XII. Если тебѣ предстоитъ бесѣда съ кѣмъ либо, особенно съ тѣми, кто считается первыми лицами въ городѣ, размысли, какъ поступили бы въ такомъ случаѣ Сократъ или Зенонъ; такимъ образомъ, зная, что дѣлать, ты съ честью выйдешь изъ всякаго происшествія.

XIII. Если ты собираешься навѣстить какого-нибудь могущественнаго человѣка, представь себѣ, что не застанешь его дома, или что тебя не примутъ, или что двери залопнутъ передъ тобою, или что

*) Стоическій мудрецъ не долженъ ничему удивляться: удивляться—значитъ быть смущеннымъ; удивляться какой либо вѣщей вещи—значитъ унижаться передъ ней и потерять свою независимость; извѣстны стихи Горация:

Nil admirari prope res ipsa...

Solaque quae possit facere et servare beatum.

**) Извѣстно, какую роль играли публичныя чтенія въ Римѣ и въ древности вообще; древніе, не зная книгопечатанія, замѣняли его какъ умѣли. «Нанимали залу, разставляли скамьи, распространяли объявленія, разсылали рабовъ по городу приглашать любителей, затѣмъ, когда великій день наступалъ, поэтъ (или вообще писатель) поднимается на эстраду, расчесанный, въ красивомъ бѣломъ платьѣ, съ большимъ рубиномъ на пальцѣ и, сматчивъ голосъ глоткомъ маслянистаго питья, читаетъ стихи съ томнымъ и умирающимъ видомъ. «И посмотрите—говоритъ Персіей—какъ наши олухи римляне мѣняютъ отъ удовольствія, испуская легкія восклицанія, по мѣрѣ того, какъ тирада развивается и щечочетъ ихъ чувства». Восторгъ становится такимъ шумнымъ, что самъ поэтъ, смущенный отъ радости и весь раскрасѣвшійся, долженъ положить ему предѣлъ, сказавъ: довольно! „Такъ вотъ для чего—восклицаетъ Персіей—ты сохнешь и блѣднѣешь надъ книгами! До чего мы дошли? *Es pallor seniumque, o mores!*“ Мало того, эти похвалы въ извѣстномъ смыслѣ покупаются; ихъ не даютъ даромъ, а продаютъ. Слушатели—собутыльники, бѣдные кліенты, которыхъ кормить и одѣвать амфитріонъ поэтъ. «Вы угощаете деликатными блюдами, дарите старый плащъ озябшему кліенту, а потомъ заявляете: я люблю правду. Скажите мнѣ правду о моихъ стихахъ. Да развѣ они могутъ сказать правду?» (См. *Martha, Les moralistes sous l'empire romain, Perse*).

онъ не обратитъ на тебя вниманія. Если, тѣмъ не менѣе, ядти нужно, ступай и терпи все, что случится, но никогда не говори себѣ: «Не стоило этого дѣлать». Ибо это языкъ вульгарнаго человѣка, способнаго обижаться вышними вещами *)).

XIV. Въ разговорѣ не повторяй то и дѣло о своихъ подвигахъ и объ опасностяхъ, которымъ ты подвергался; такъ какъ, если тебѣ доставляетъ удовольствіе рассказывать о нихъ, то другимъ не доставляетъ удовольствія тебя слушать.

XV. Не старайся смѣшнить: это скользкій путь и приведетъ къ тому, что ты сдѣлаешься вульгарнымъ и потеряешь уваженіе своихъ друзей.

XVI. Такъ же опасно увлекаться непристойными темами. Случится тебѣ присутствовать при такомъ разговорѣ — строго разбрани его участниковъ, если обстоятельства позволяютъ; если же нѣтъ — молчаніемъ, краской въ лицѣ, суровымъ видомъ показывай, что подобныя рѣчи возбуждаютъ въ тебѣ негодованіе.

XXXIV.

Нанимъ образомъ можно бороться съ удовольствіемъ.

Если явится представленіе о какомъ-нибудь удовольствіи, слѣди за собой, какъ при всякихъ другихъ представленіяхъ, и остерегайся увлечься имъ; пусть лучше вещь ожидаетъ тебя, получивъ отъ тебя отсрочку **). Затѣмъ сравни два момента: одинъ, когда ты будешь наслаждаться удовольствіемъ, другой, когда, насладившись, ты раскаяешься и станешь упрекать самого себя; потому что противопоставь имъ радость, которую ты испытываешь, если воздержись, и похвалы, которыми будешь надѣлать самого себя. Ты находишь возможнымъ предпринять

*) Стоить долженъ говорить: «Это дѣло стоитъ или не стоитъ дѣлать» не тогда, когда дѣло уже сдѣлано, а раньше, передъ тѣмъ какъ браться за него. Размысленіе должно предшествовать дѣйствию, а не слѣдовать за нимъ. Разсмотрѣвъ дѣйствіе и рѣшивъ, что оно должно быть исполнено, надо его исполнять и затѣмъ уже принимать съ покорностію всѣ послѣдствія.

***) Не мы должны ожидать вещей, а вещи должны нѣкоторымъ образомъ дожидаться нашего желанія.

дѣйствиѣ? Берегись, чтобы его чары, удовольствія и соблазны не одо-
гнали тебя; противопоставь имъ нѣчто лучшее: сознаніе, что ты одо-
лгалъ въ этой борьбѣ.

XXXV.

Нѣ чему бояться, что тебя увидать за дѣломъ?

Когда ты дѣлаешь то, что по твоему должно сдѣлать, не старайс-
остаться незамѣченнымъ, хотя бы дюжинные люди считали это дѣло
дурнымъ. Ибо, если ты дурно поступаешь — набѣгай самого поступка;
если же нѣтъ, зачѣмъ бояться тѣхъ, кто осудить тебя несправед-
ливо? *).

XXXVI.

Надо отдѣлять въ нашемъ поведеніи душу отъ тѣла, какъ день отъ ночи.

Предложенія «теперь день», «теперь ночь» — имѣютъ большее
значеніе, если ихъ высказываютъ отдѣльно, и не имѣютъ никакого,
если ихъ соединяютъ вмѣстѣ; точно также брать для себя лучшую
часть — вещь превосходная въ отношеніи тѣла; но съ точки зрѣнія
общественныхъ обязанностей, которыя нужно соблюдать на банкетѣ,
это вещь недостойная **). Итакъ, когда будешь обѣдать съ кѣмъ ни-
будь, не думай только о качествѣ блюдъ, но помни объ уваженіи къ
хозяину.

*) На это разсужденіе нечего возразить.

**.) День для Эпиктета символъ человѣческой души; ночь—символъ
тѣла. Сказать: такая то вещь полезна—можно также, какъ сказать: въ
данный моментъ день. Фраза имѣетъ смыслъ. Сказать: такая то вещь
полезна для тѣла — можно, какъ сказать: въ данный моментъ ночь.
Фраза тоже имѣетъ смыслъ. Но если говорятъ: когда бываетъ ночь,
бываетъ день; или: полезное для тѣла полезно для души,—то подобныя
фразы являются безсмыслицей. Итакъ, нужно во всѣхъ нашихъ дѣй-
ствіяхъ и во всѣхъ мысляхъ, различать душу и тѣло, какъ день отъ
ночи.

XXXVII.

Не штылять рали.

Если ты берешь на себя роль не по силамъ, то играешь ее плохо; а ту, которую могъ бы исполнить, бросаешь.

XXXVIII.

Ломный шагъ.

Какъ, прогуливаясь, ты остерегаешься наступить на мозоль или отдавить себѣ ногу, такъ точно остерегайся оскорбить главную часть самого себя *). Если мы будемъ думать объ этомъ при каждомъ дѣйствіи, то съ большей увѣренностью можемъ приниматься за дѣло.

XXXIX.

Мѣрло собственности.

Настоящими мѣрломъ владѣнія должны быть для каждаго потребности тѣла, какъ нога есть мѣрка сандаліи. Если ты замкнешься въ этихъ предѣлахъ, то соблюдеши мѣру; если же перейдешь ихъ, то покатишься точно въ пропасть. Такъ и съ обувью, разъ она превосходитъ потребности ноги: ты захочешь сначала золоченую, потомъ пурпурную, потомъ вышитую; ибо, разъ мѣра перейдена, нѣтъ болѣе никакихъ границъ.

*) Главная часть — разумъ, воля. Это сравненіе самой тривиальностью своею ярче обнаруживаетъ ошибку того, кто заботится о ногѣ, когда ходитъ, и не заботится о душѣ, когда дѣйствуетъ.

XL.

О воспитаніи женщинъ.

Лишь только женщинамъ исполнится четырнадцать лѣтъ, мужчины называютъ ихъ своими любовницами; отсюда онѣ заключаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ достоинствъ, кромѣ способности доставлять удовольствіе мужчинамъ; а потому начинаютъ ридиться и въ нарядахъ полагаютъ всю свою надежду. А стоило бы попытаться убѣдить ихъ, что, кромѣ скромности и стыда, ничто не можетъ сдѣлать ихъ почтенными *).

*) Стоицизмъ, доказывая, что назначеніе и достоинство разумнаго и свободнаго существа въ немъ самомъ, а никакъ не внѣ его, подготавливалъ освобожденіе всѣхъ тѣхъ существъ, которыя казались созданными не для самихъ себя, а для пользы или удовольствія другого: таковы были сначала рабы, потомъ женщины, положеніе которыхъ часто было не лучше рабаго.

Эпиктетъ въ этомъ отношеніи только продолжатель Сократа. Стоитъ прочесть въ *Экономикѣ* Ксенофонта разговоръ между молодыми супругами, приводимый Сократомъ: отношенія между мужчиной и женщиной понимаются въ немъ въ чисто современномъ смыслѣ. «Когда она освоилась со мной и привыкла говорить свободно, я предложилъ ей слѣдующіе вопросы: «Скажи мнѣ, жена, начинаешь ли ты понимать, почему я выбралъ тебя и почему твои родители выдали тебя за меня?.. Если божество дастъ намъ дѣтсей, мы постараемся общими усиліями воспитать ихъ какъ можно лучше, такъ какъ оба будемъ счастливы найти въ нихъ подѣ старость защитниковъ и поддержку. Но съ нынѣшняго дня этотъ домъ становится нашимъ общимъ домою. Все, что у меня есть, я отдаю въ наше общее владѣніе, а ты уже отдала то, что принесла съ собою. Теперь нечего считаться, кто изъ насъ доставилъ больше; надо только помнить, что тотъ, кто лучше будетъ управлять общимъ добромъ, сдѣлаетъ самый драгоценный вкладъ».

«На эти слова, Сократъ, жена возразила мнѣ: «въ чемъ я могу тебѣ помочь? На что я гожусь? Все лежитъ на тебѣ. Моя мать сказала мнѣ, что мое дѣло вести себя хорошо». — «Да, клянусь Юпитеромъ! — отвѣчалъ я — и мой отецъ говорилъ мнѣ то же самое; но обязанность мужчинъ и женщины, которые ведутъ себя хорошо, въ томъ то и заключается, чтобы достигать возможно большаго благополучія и приращенія своего имущества законными и честными средствами. Благо семьи и дома требуетъ работы внутри и внѣ. А божество заранѣе приспособило природу женщинамъ къ внутреннимъ домашнимъ заботамъ и

XLI.

Черезчуръ заботиться о своемъ тѣлѣ — глупость.

Признакъ глупости — посвящать много времени работамъ о тѣлѣ, напр., долго упражняться, долго ѣсть, долго пить, удѣлять много времени другимъ тѣлеснымъ потребностямъ. Все это нужно дѣлать между прочимъ; духу должны быть посвящены всѣ наши заботы *).

XLII.

Быть противимъ съ тѣми, кто причиняетъ зло, такъ какъ они заблуждаются.

Если кто нибудь дурно обходится съ тобой или дурно говорить о тебѣ, помни, онъ дѣлаетъ или говоритъ это, думая, что такъ ему и

трудоу; природу мужчины къ вышнимъ. Тѣло мужчины въ состояніи вынести холодъ, зной, путешествіе, войну; съ другой стороны божество дало женщинамъ склонность, миссію кормить новорожденныхъ; такимъ образомъ, женщина должна хранить добро, мужчина отражать тѣхъ, кто вздумаетъ нанести дому вредъ.

«Такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ природой, совершенной во всѣхъ отношеніяхъ, то они нуждаются другъ въ другѣ, и союзъ ихъ тѣмъ болѣе полезенъ, что каждый можетъ пополнить то, чего не хватаетъ другому. Итакъ, жена, ознакомившись съ функціями, которыя возложены на каждого изъ насъ божествомъ, постараемся, чтобы каждый исполнять свои какъ можно лучше.

«Правда, продолжалъ я, есть одна функція, которая быть можетъ, понравится тебѣ меньше другихъ; именно, если кто либо изъ твоихъ работъ заболѣетъ, ты должна будешь позаботиться о его леченіи, такъ какъ заботиться нужно обо всѣхъ. — Клянусь Юпитеромъ! — отвѣчала моя жена — никакую обязанность я не буду исполнять такъ охотно, какъ эту... Но самое сладкое счастье наступитъ, когда, ставши болѣе совершенной, чѣмъ я, ты сдѣлаешь изъ меня твоего слугу; когда, не опасаясь, что старость умалитъ твое значеніе въ семьѣ, ты, напротивъ, будешь питать увѣренность, что съ годами сдѣлаешься еще лучшей подругой для меня, еще лучшей воспитательницей для дѣтей, еще болѣе уважаемой хозяйкой дома. Ибо красота и доброта не зависятъ отъ молодости: онѣ растутъ въ жизни въ глазахъ людей подъ влияніемъ добродѣтелей».

*) Сенека (*Epist.* 65). «Major sum, et ad majora genitus, quam ut mancipium sim mei corporis: quod equidem non aliter aspicio, quam vinculum aliquod libertati meae circumdatum».

слѣдуетъ поступать; вѣдь онъ можетъ руководиться только своимъ мнѣніемъ, а не твоимъ; если же его мнѣніе ошибочно, значитъ страдаетъ онъ, потому что онъ заблуждается. Въ самомъ дѣлѣ, если кто нибудь считаетъ ошибочнымъ вѣрный силлогизмъ,—не силлогизмъ же отъ этого страдаетъ, а человѣкъ, который заблуждается *). Исходя изъ этого, ты будешь относиться кротко къ тому, кто оскорбляетъ тебя, ибо при каждомъ оскорбленіи скажешь: «Это показалось ему хорошимъ» **).

XLIII.

Дать руки.

Каждая вещь имѣетъ двѣ ручки: за одну ее легко снести, за другую невозможно. Твой братъ поступаетъ съ тобою несправедливо? — не

*) Но если бы силлогизмъ былъ живъ, если бы истина была живую, могла ли бы она такъ легко примириться съ тѣмъ, что ее не понимаютъ и не любятъ? Она могла бы простить тому, кто не ищетъ и не желаетъ ея, но не могла бы остаться равнодушной. Также и мудрецъ долженъ прощать несправедливому человѣку; но онъ не можетъ и не долженъ видѣть несправедливость безъ скорби. Стоики черезчуръ уподобляютъ человѣка силлогизму, абстрактному разсужденію; забывая, что это разумъ, живущій и дѣйствующій; воля, которая не только въ себѣ не допускаетъ зла, но и вокругъ себя не желаетъ его видѣть.

**) Сенека, *de sap. const.* 17: Solent dicere: Miserum me! Puto: non intellexit! — *De irâ*, II. 34. Irascitur aliquis? Tu contra beneficiis provocas. — *De Benef.*, VII. 31: Vincit malos pertinax bonitas. — См. въ *Полномѣняхъ*, извлеченія изъ *Разговоровъ* Эпиктета и *Мыслей* Марка Аврелія.

Эта стоическая идея милосердія и прошенія обидъ слишкомъ отъывается фатализмомъ; ея источникъ скорѣе — понятая и принятая необходимость, чѣмъ свободная и любящая воля. Для стоиковъ, какъ и для сократиковъ, всякій порокъ есть незнаніе, ошибка, иллюзія: *οὐδὲς κακὸς ἄγνοον*. Потому то и слѣдуетъ прощать порочному человѣку, какъ прощаютъ камню, который вась ушибъ. Единственное лѣкарство противъ порока, какъ и противъ нечѣстнаго, есть знаніе: стоитъ только видѣть добро, чтобы ему слѣдовать, какъ раньше слѣдовало злу; знаніе, разъ вошедшее въ разумъ, тотчасъ вводитъ добро въ волю; всякое знаніе есть добродѣтель, всякая добродѣтель есть знаніе; а высшее знаніе есть совершенная добродѣтель. Этотъ моральный детерминизмъ нелегко примирить съ замѣчательнымъ представленіемъ стоицизма о одбровольномъ выборѣ (*τὴ προαίρεσις*) и личной независимости (*τὸ ἀβ' ἑμὲν*).

относись къ этому со стороны несправедливости: за эту ручку не снесешь; лучше отнесись съ такой стороны: онъ твой братъ, чело-вѣкъ, вскормленный вѣсть съ тобою; при такомъ отношеніи ты возьмешься за вещь съ того конца, за который ее можно снести.

XLIV.

Не смѣшивай себя съ тѣмъ, что принадлежить тебѣ.

Плохо рассуждаетъ тотъ, кто говоритъ: «Я богаче васъ, слѣдова-тельно, я лучше васъ; я краснорѣчивѣе, слѣдовательно, я лучше». Рассуждая правильно, надо сказать: «Я богаче васъ, слѣдовательно, мое богатство превосходитъ ваше; я краснорѣчивѣе, слѣдовательно, мои рѣчи превосходятъ ваши». Но самъ ты не богатство и не рѣчи.

XLV.

Не осуждать поведения другого.

Такой то беретъ ванну слишкомъ рано *). Не говори: «Онъ поступаетъ дурно», а скажи: «Это слишкомъ рано». Такой то пьетъ много вина. Не говори: «Онъ поступаетъ дурно», а скажи: «Это слишкомъ много». Ибо, не узнавъ мотивовъ его рѣшенія, какъ можешь ты знать, дурно ли онъ поступаетъ? **). Такимъ образомъ, тебѣ не случится видѣть и понимать одно, а высказываться о другомъ ***).

*) Однимъ изъ излишествъ въ древнемъ Римѣ были ванны во всякое время, даже по выходѣ изъ за стола: *crudi timidique lavantur*, говоритъ Гораций.

***) Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ высказываться о намереніяхъ другого, судить другого. Мы можемъ, правда, порицать и наказывать всѣ дѣйствія, нарушающія наше право; но проникнуть въ сферу внутренней ответственности дѣйствующаго, *судить* его самого — невозможно. Мы опѣиваемъ матеріальный фактъ, какъ мудрецъ Эпиктета можетъ измѣрить матеріально количество выпитаго вина или констатировать ранній часъ ванны; но мы не можемъ знать мысли, породившей фактъ, «задней мысли». Такимъ образомъ, индивидуумъ есть единственный судья—въ моральномъ смыслѣ этого слова—самого себя, и во всѣхъ дѣйствіяхъ, которыя не касаются общества или правъ другого, его совѣсть должна служить единственной санкціей.

***) Сенека (*Epist* 68): *Non est quod inscribas tibi philosophiam.*—И

Не называть себя философомъ, а быть имъ.

I. Никогда не называй себя философомъ и не болтай о философскихъ теоріяхъ передъ чернью; но дѣлай то, что вытекаетъ изъ этихъ теорій, подобно тому, какъ на пиру не разсуждай, какъ слѣдуетъ вѣтъ, а вѣшь, какъ слѣдуетъ. Помни, какъ рѣшительно Сократъ отвергалъ всякое хвастовство. Молодые люди являлись къ нему съ просьбой рекомендовать ихъ другимъ философамъ, и онъ исполнялъ ихъ просьбу; такъ выносили онъ пренебреженіе! *).

II. Если, въ кругу невѣждъ зайдетъ разговоръ о теоретическомъ вопросѣ—ты помалкивай, ибо очень опасно извергать немедленно то, чего еще не переварилъ **). А если тебя говорятъ, что ты — де ничего

въ другомъ мѣстѣ (20): *Illud te rogo atque hortor ut philosophiam in praescordia ima demittas et experimentum tui profectus capias, non oratione, nec scripto, sed animi firmitate et cupiditatum diminutione.* — И еще въ другомъ мѣстѣ (16): *Philosophia non in verbis, sed in rebus est.*

*) См. объ этомъ въ *Тезеттѣ* полуироническое, полусерьезное мѣсто, гдѣ Сократъ, сравнивая свое искусство съ профессіей своей матери, рассказываетъ о своемъ вліяніи на учениковъ и объ образѣ дѣйствій, котораго онъ держится въ ихъ отношеніи: «Богъ приказалъ мнѣ помогать рожденію другихъ, но не позволялъ рожать самому. Самъ я вовсе не ученый, и мой умъ не производитъ никакихъ отпрысковъ, никакихъ такихъ мудрыхъ открытій; но тѣ, кто посѣщаетъ меня, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ казались вначалѣ совершенными неучами, всѣ, съ Божьею помощію, оказываютъ въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, поразительные успѣхи, очевидные для нихъ самихъ и для другихъ... Они находятъ въ такомъ же положеніи, какъ беременныя женщины: страдаютъ еще сильнѣе, чѣмъ тѣ, и проводятъ въ мукахъ дни и ночи. Дѣло моего искусства умѣть вызвать и утолить эти боли. Вотъ что случается съ одними; но *есть и другіе*, Тезетты, которые кажутся мнѣ неспособными родить; я понимаю, что они не нуждаются въ моихъ попеченіяхъ; я отъ всей души довѣряю ихъ другимъ и могу сказать, что съ Божьею помощію угадываю довольно хорошо, къ кому ихъ направить въ ихъ же интересахъ. Очень многихъ я представилъ Продіану; немало и другимъ mužамъ удивительной учености». См. также *Литобомъ*.

**) Сенека (*Erist.* 103): *Multis fuit periculi causa, insolenter tractata et contumaciter. Vitia sibi detrahat, non alii exprobrat: non abhorreat a publicis moribus.* — *Concoquamus illa: altoquī in memoriam ibunt, non in ingenium* (84).

не знаешь и ты не конфузишься своего невежества, знай, въ такомъ случаѣ, что ты уже приложилъ руку къ дѣлу мудрости. Ибо овцы не показываютъ пастухамъ, сколько онѣ съѣли, но, переваривъ свой кормъ внутри, производятъ наружу шерсть и молоко. Такъ и ты не налагай передъ чернью правилъ, а переваривъ послѣднія, обнаруживай дѣла, которыя ими порождаются *).

XLVII.

Быть человѣкомъ строгой жизни, не хвастаясь этимъ.

Если ты воздержанъ во всемъ, что касается тѣла, не хвастайся этимъ; и если пьешь воду, не говори кстати и некстати: я пью воду. Хочешь приучаться къ подвигу?—дѣлай это для себя, а не для другихъ. Не обвиняй статуи **), но когда томишься пальцей жаждой, набери въ ротъ свѣжей воды и выплюнь ее и никому не говори объ этомъ.

XLVIII.

Признаки, по которымъ можно узнать обыкновеннаго человѣка и философа.

I. Состояніе и характеръ обыкновеннаго человѣка: онъ никогда не ожидаетъ похвалы или вреда отъ себя самого, а всегда отъ вѣшнихъ вещей.

*) „Эпиктетъ, говоритъ Паскаль (*Разговоръ съ де-Саси*), поясняетъ на тысячу ладовъ, какъ долженъ поступать человѣкъ. По его мнѣнію человѣкъ долженъ быть скромнымъ, скрывать свои хорошія намѣренія, особливо вначалѣ, и исполнять ихъ тайно: ничто такъ не портитъ ихъ, какъ выставленіе на показъ. См. *Поясненія*.

**) „Не обвиняй статуи“. Комментаторы тщетно пытались понять смыслъ этой фразы. Каждый давалъ свое объясненіе, такое же ошибочное, какъ всѣ другіе. Между тѣмъ, смыслъ фразы ясенъ, если сравнить это мѣсто съ аналогичнымъ мѣстомъ въ *Разговорахъ*: «Не слѣдуетъ приучаться къ вещамъ экстраординарнымъ и противуестественнымъ... Въ самомъ дѣлѣ, трудно плясать на канатѣ и не только трудно, но и опасно. Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, что и мы должны учиться плясать на канатѣ, размахивать пальмовою вѣткой или держать въ объятіяхъ статую, стоя на немъ?»

II. Состояніе и характеръ философа: все, что полезно или вредно, онъ ожидаетъ отъ себя самого.

III. Признаки человѣка, преуспѣвающаго въ мудрости: никого не порицаетъ и не хвалитъ; ни на кого не жалуется, никого не обвиняетъ; не говоритъ о себѣ, какъ о лицѣ, имѣющемъ значеніе или обладающемъ знаніями. Если ему помѣшали въ какомъ либо дѣлѣ, обвиняютъ только себя; если его хвалятъ, смѣется про себя надъ хвалящимъ *); если бранятъ, не защищается **). Но онъ слѣдитъ и наблюдаетъ за собой, какъ за выдравливающимъ, опасаясь возмутить въ чемъ-либо спокойствіе, зарождающееся въ немъ раньше, чѣмъ оно окрѣпнетъ.

IV. Онъ отрѣшился отъ всякаго желанія, онъ перенесъ свое отвращеніе исключительно на тѣ вещи, которыя, завися отъ насъ, противорѣчатъ природѣ. Онъ умѣряетъ свои порывы къ какиммъ бы то ни было вещамъ. Если его считаютъ глупцомъ или невѣждой, онъ ничуть не тревожится этимъ. Словомъ, онъ остерегается самого себя, какъ врага, какъ человѣка, раваставляющаго ему ловушки.

XLIX.

Комментировать философовъ — не значитъ быть философомъ.

..Если кто-нибудь хвастается тѣмъ, что можетъ понять и объяснить Хризиппа ***), скажи про себя: значить, если бы Хризиппъ не писалъ

*) Эпиктетъ (*Apud Stob.*, VII, 17): «Слѣдуетъ хвалить Агриппина за то, что, несмотря на свои великія заслуги, онъ никогда не хвалилъ самого себя; а если кто нибудь другой хвалилъ его — краснѣть».

***) «Царственная вещь, — говорятъ Антисфенъ, — дѣлая добро, слышать какъ тебя поносятъ».

***) Хризиппъ, знаменитѣйшій изъ писателей-стоиковъ, родился въ Солесѣ, въ Киликіи, около 280 года. Онъ былъ ученикомъ Клеанта и его преемникомъ, какъ глава Стоя. Плодовитѣйшій писатель древности, онъ оставилъ чудовищную массу произведеній, но ни одно изъ нихъ не дошло до насъ. Онъ славился своей тонкой діалектикой; о немъ говорили, что, если бы боги хотѣли пользоваться логикой, то могли бы примѣнить только логику Хризиппа. Въ лицѣ его стоицизмъ отклонился отъ морали къ логикѣ, причѣмъ часто впадалъ въ казуистику и игру словами. Онъ умеръ около 207 г.

темно, этому человѣку нечѣмъ было бы гордиться *)? А я,—чего я хочу? Знать природу и слѣдовать ей. Итакъ, я ищу, кто мнѣ ее объяснить и усмыслить, что таковъ Хризиппъ, иду къ нему. Но я не понимаю его пронаведеній; ищу, кто мнѣ ихъ растолкуетъ. Пока, мнѣ рѣшительно нечѣмъ гордиться. Когда же я нашелъ толкователя, мнѣ остается пригнѣвить на дѣлѣ правила, которыя онъ разъясняетъ,—только это можетъ сдѣлать меня гордымъ. А если я только восхищаюсь искусствомъ толкователя,—что я такое, какъ не грамматикъ вмѣсто философа; разница лишь въ томъ, что вмѣсто Гомера я объясняю Хризиппа. Пусть лучше, если мнѣ скажутъ: «Объясни мнѣ Хризиппа», я покраснѣю отъ того, что не могу согласовать мои дѣйствія съ моими словами.

L.

Моральные заповѣди.

Всѣмъ этимъ правиламъ оставаясь вѣрныя какъ законамъ, преступать которые грѣхъ. Что будутъ говорить о тебѣ, о томъ не заботься: это ужъ не твое дѣло.

LI.

Практика и теорія.

Когда же ты признаешь себя достойнымъ осуществлять лучшее и не преступать болѣе ни въ чемъ того, что предприсываетъ тебѣ разумъ? Даны тебѣ принципы, которые ты долженъ былъ одобрить; и ты ихъ одобрилъ; какова же еще учителя ожидаешь ты, чтобы свалить на него заботу о твоёмъ исправленіи, а? Ты вѣдь не ребенокъ, ты уже взрослый человѣкъ. Если теперь небрежешь о себѣ и распускаешь себя, откладываешь и откладываешь, безъ конца назначаешь и пропускаешь день, съ котораго начнешь слѣдить за собой, то въ концѣ-концовъ

*) О сколькихъ комментаторахъ можно бы сказать тоже самое и въ наше время?

утратишь да же сознание того, что вовсе не преуспиваешь въ мудрости и проживешь и умрешь дюжиннымъ человѣкомъ *).

Итакъ, считай себя уже достойнымъ жить, какъ человѣкъ зрѣлый; и преуспивающей въ мудрости: пусть все, что кажется тебѣ лучшимъ, будетъ для тебя ненарушимымъ закономъ. Предстоитъ ли трудъ, или удовольствіе, слава или безславіе, помни, что это и есть сраженіе, Олимпійскія игры, и что отступать уже нельзя: въ одинъ день и въ одномъ дѣлѣ твоя зарождающаяся мудрость будетъ утрачена или спасена.

Именно такимъ образомъ Сократъ сдѣлался совершеннымъ, не прилѣпляя ни къ чему, кромѣ разума, во всѣхъ вещахъ, какія только представлялись ему. И ты, хотя ты еще не Сократъ, долженъ, однако, жить, какъ человѣкъ, желающій стать Сократомъ.

III.

Три части философіи.

Первая и самая необходимая часть философіи—та, которая трактуетъ о практическомъ приложеніи теорій: напримѣръ, не лгать **). Вторая—та, которая содержитъ доказательства: напримѣръ, какиимъ принципомъ доказывается, что не слѣдуетъ лгать ***). Третья—та, которая

*) Древніе моралисты постоянно возвращаются къ этой темѣ: нечего откладывать до завтра. Все, что въ нашей власти—также въ нашей власти сегодня, какъ и завтра. Откладывать до завтра, значитъ создавать себѣ препятствіе сегодня, связывать свою свободу. Поэтому, говорятъ Эпиктетъ, въ другомъ мѣстѣ: «то, что можно съ пользою отложить, еще полезнѣе оставить совсѣмъ».—«Мы не живемъ,—энергически говорятъ Сенека,—мы готовимся жить; мы откладываемъ все: *non vivunt, sed victuri sunt; omnia differunt*».—А поэтъ-стоикъ Персій: «Я сдѣлаю это завтра, говоришь ты?—Ты сдѣлаешь завтра, какъ сегодня.—Какъ! трудно тебѣ уступить мнѣ день?—Но когда этотъ день пройдетъ и забрезжитъ новое утро, мы уже истратимъ это «завтра», ставшее «вчера», и новое завтра поведетъ за собой наши годы, оставаясь вѣчно недостижимымъ:

*Jam cras hesternum consumpsimus; aliud cras
Egerit hos annos, et semper paulum erit ultra.*

**) Практическая мораль, которая выводитъ изъ моральныхъ теоремъ правила поведенія.

***) Теоретическая мораль, которая въ стоицизмѣ сливается съ метафизикой и физикой.

подтверждает и поясняет остальные, например, как убедиться в томъ, что это есть доказательство *)? Что такое доказательство? что такое послѣдовательное разсужденіе? что такое противорѣчіе? что истинно, что ложно?

Третья часть необходима для второй, вторая необходима для первой—но самая необходимая, на которой нужно сосредоточиться—это первая; Мы же поступаемъ наоборотъ. Мы копаемся надъ третьей и ей посвящаемъ весь нашъ трудъ, тогда какъ первую оставляемъ совершенно безъ вниманія. Вотъ почему мы лжемъ, хотя аргументы, которые доказываютъ, что лгать не слѣдуетъ, у насъ подъ руками **).

ЛIII.

Различныя изрѣченія.

Пусть въ умѣ твоёмъ всегда присутствуютъ слѣдующія мысли:

Веди меня, Юпитерь, и ты, Судьба,

Въ то мѣсто, которое вы назначили для меня,

Я послѣдую за вами безъ колебаній; если бы я отказался,

Я былъ бы виновенъ и все-таки послѣдовалъ бы за вами***).

*) Логика.

***) Мысль очень важная, такъ какъ резюмируетъ методъ стоиковъ, методъ прежде всего практическій и пренебрегавшій теоріей. „Мы ищемъ во всѣхъ вещахъ—говоритъ Эпиктетъ въ другомъ мѣстѣ—того, что имѣетъ отношеніе къ благу и свободѣ“. Первые греческіе философы были физики; Платонъ и Аристотель метафизики; Эпиктетъ и римскіе стоики—моралисты: они усматриваютъ въ морали истинное основаніе всякой философіи.

****) Это стихи Клеанты, поэта-философа. Известна его исторія. Родившись въ Ассосѣ, въ Эоліи, около 310 года, онъ готовился къ профессіи атлета, когда познакомился съ Зенономъ въ Афинахъ. Принужденный бѣдностью работать у Афинскихъ садовниковъ, онъ по ночамъ поливалъ растенія, а днемъ слушалъ Зенона и учился. Онъ былъ приемникомъ Зенона въ Стоѣ. Сохранился его гимнъ Юпитеру; вотъ нѣсколько выдержекъ: „Привѣтъ тебѣ, о славнѣйшій изъ бессмертныхъ, существо, которое обожать подъ тысячу именъ, Юпитерь, вѣчно могущественный, тебѣ, хозяинъ природы, тебѣ, управляющему всѣми вещами посредствомъ закона. Всякому смертному надлежитъ обращаться къ тебѣ съ молитвой; такъ какъ отъ тебя мы родились, и ты надѣлилъ

Кто умѣетъ уступать необходимости,
Того мы считаемъ мудрымъ и свѣдущимъ въ вещахъ божествен-
ныхъ. *)

«О, Критонъ, если это угодно богамъ, пусть такъ и будетъ!»
«Англь и Мелеть могутъ убить меня, но не повредить мнѣ» **).

насъ даромъ—словами, —насъ однихъ изъ всѣхъ тварей, живущихъ и ползающихъ на землѣ. Тебѣ моя хвалы, тебѣ вѣчный даръ моихъ пѣсень. Необъятный міръ, что вращается вокругъ земли, сообразуется съ твоей волей свои движенія и безропотно повинуется твоимъ велѣніямъ.. Верховный царь вселенной, твоя власть простирается на всѣ вещи. Ни на землѣ, благодѣтельный богъ, ни въ эфирномъ и божественномъ небѣ, ни въ морѣ, ничто не совершается бсзъ твоей воли, кромѣ преступленій, совершаемыхъ злыми въ ихъ безуміи... Юпитеръ, творецъ всѣхъ благъ, богъ, котораго скрываютъ мрачныя тучи, властитель грома, извлекъ людей изъ ихъ пагубнаго невежества; разсѣй мракъ ихъ души, отецъ нашъ, и дай намъ уразумѣть мысль, которая тебѣ служить для управленія міромъ по справедливости".—Стихи, цитируемые Эпиктетомъ, переведены на латинскій языкъ Сенекой (*Epist.* 107), который прибавляетъ къ нимъ слѣдующій, еще болѣе энергичный стихъ:

Discunt volentem fata, nolentem trahunt.

*) Эти два стиха принадлежать Эврипиду, у котораго Эпиктетъ и Маркъ Аврелій часто заимствуютъ цитаты.

**) Эти два изрѣченія заимствованы: одно изъ *Критона*, другое изъ *Диалогии*. Эпиктетъ любилъ ихъ цитировать. См. также Марка Аврелія.